

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Костер едва курился, а в прорехе между пакетами стояло утреннее солнце. Это было первое утро, которое я встретила без ужаса, без экстремального пробуждения. Сладко потянувшись, выбралась наружу и чуть не наступила на... огромную кетину, которая ждала меня почти на пороге шалаша. Это было так потрясающе, что я даже не поверила. Рыба! Свежая красная рыба!

На правом боку лосося виднелся явный след от когтей: очевидно, ее выловил медведь. Накануне я видела, как это происходит. Почему они решили поделиться? Ответ пришел сам собой в виде воспоминания: я кормила ее малыша. Много раз я слышала о медвежьей благодарности, но впервые столкнулась с ее подтверждением и чуть не разрыдалась. Точнее, слезы все-таки потекли: из-за всех этих испытаний, усталости и особенно голода, я стала чертовски чувствительной. И действительно, будешь тут сентиментальной!

Когда-то на Территории произошел такой случай. Мужик жил на заимке и однажды к нему вышел раненный веткой медведь. Зверь не мог самостоятельно вытащить ее и просто истекал кровью. Уж не знаю, только догадываюсь, что чувствовал в тот момент лесник, но он не побоялся выдернуть ветку, может быть даже прижег рану, врать не буду. Медведь ушел, а через какое-то время у порога дома лесника появилось полтуши оленя. Так неужели это может быть правдой?

Не раздумывая, я вспорота рыбину маникюрными ножницами, вывалила в реку кишки, промыла ее как следует, попутно раскочегаривая очаг. Мне предстояло решить непростую задачу: как удачнее приготовить «улов». Можно было использовать многострадальную банку, но я боялась лишиться единственного предмета кухонной утвари. Я вспомнила старую книгу о Городе «Здесь начинается день», которую когда-то видела в редакции, где валом было всякого хлама по кабинетам. Так вот, в книге той было фото, как люди готовили рыбу, продев по хребту палку, которую под углом втыкали в землю у костра.

Я забежала по берегу, подыскивая подходящий шампур, а после самозабвенно сострогала наконечник, чтобы поудачнее нанизать добычу. Когда все было готово, просто не верила, что это правда. С замиранием сердца, почти не шевелясь, я сидела над костром, попеременно меняя руку и боясь оставить процесс

приготовления хоть на миг, чтобы не упустить свой единственный шанс на пропитание. Зубы так и остались не чищены, лицо не умыто. Я глядела и не могла наглядеться на реальную еду, которая шкварчала подкожным жиром и дразнила божественным ароматом.

Казалось, кетина не приготовится никогда, а я все еще боялась гельминтов, которых в ней наверняка кишело видимо-невидимо. Будто они прижились бы в моем истощенном организме! Да желудок мне за пару нематод и анизакиду еще спасибо скажет. Риск был в другом: что рыба развалится, если ее передержать, и рухнет в золу. Этого я боялась гораздо меньше, потому что зола — еще и соль.

В общем, примерно через полчаса я, развалившись на камнях и подставив лицо солнышку, отмывала от боков большие розовые куски и с наслаждением отправляла их в рот, жуя как можно тщательнее, чтобы не просто растянуть удовольствие, а еще и не навредить истерзанному потрохам. Никогда не думала, что рыба без специй и даже соли так вкусна. Я уловила мельчайшие оттенки вкуса, которых там даже и не было, совершая все положенные движения челюстью, добросовестно пережевывая пищу.

Вкусовые рецепторы просто взорвались, когда на языке оказался первый робкий кусочек. Правда, что, какое-то время не получая с пищей усилителей и химических добавок, мы заново готовы изведать первозданный вкус продуктов, как малыши, не отдававшие соли и сахара, наслаждаются пюре из курятины с брокколи будто самым изысканным из известных человечеству яств.

Мне хотелось проглотить рыбу вместе с костями, но здравый смысл возобладал над голодом: после такой «диеты» для меня любой прием пищи мог кончиться заворотом кишок. Поэтому, проглотив четверть, я отложила еду, принявшись за приготовление чая — два пакетика были пожеваны, но не вскрыты. В четыре приема я наполнила термос, где кроме черного байхового был еще брусничный лист и стланик, а когда обернулась, изумилась вторично: прямо за моей спиной, не оставив даже костей, с кетой разобрались малыш и пестун. Матери я не увидела, но она явно была где-то здесь.

Я даже не знала, смеяться мне или плакать: бог дал, бог взял, и сделал это пастями и лапами двух бурых медведей, которые теперь катались по гальке, затеяв уже привычные игрища. Вздохнув, я села пить чай, кляня себя, что не убрала рыбу в пакет, и раздумывая, где взять еще. Я же не могла подойти к медведице, панибратски похлопать ее по плечу (которого нет) и попросить наловить мне еще. А как только я удалюсь от реки — ведь мне необходимо идти в сопку — и без того призрачная возможность полакомиться рыбой растворится вовсе. Но не идти, надеясь на повторное чудо, я не решалась, и помощи ждать мне, кроме себя, было не от кого.

Малыш подошел незаметно со спины и положил огромные для такого тельца когтистые лапы мне на плечо, внюхиваясь в содержимое кружки, которую я в очередной раз поднесла к губам. Потом перекинулся на ухо, волосы, чихнул, куснул меня за шею и отбежал, приглашая в игру.

Я не реагировала, поэтому он повторил попытку, на сей раз потянув меня за ворот мастерки к земле. Я поддалась, и уже через секунду он заскочил на меня, прихватывая остренькими иголками зубов за запястья, пальцы, предплечья. Я ласково толкала его и смеялась. Звук собственного голоса был мне дик, он казался здесь чем-то чужеродным, как творчество Джастина Бибера в консерваторских залах. Я так привыкла за последние дни к журчанию реки, шепоту ветра, клетоту воронов и чириканию кедровок, даже к нападкам крачек, защищающих гнезда, но не воспринимала теперь собственный смех и голос, будто с рождения была немой.

В запале игры я встала на четвереньки и погналась за малышом, который несся, потешно вскидывая пятки и мотая пупочкой хвоста на толстом задке. Он так ловко шмыгнул в куст, что я проскочила — всего пару метров — и врезалась в какую-то мягкую гору, будто в камень, поросший мхом. Последовал такой силы удар, что меня отбросило на траву, а когда я открыла глаза, увидела медведицу, несущую в зубах, как кошка, своего детеныша в противоположном от меня направлении. Только тогда я осознала, что получила от мамыши затрещину, после того как налетела на нее в кустах. И, надо отдать ей должное, она двинула мне мягкую часть лапы, не зацепив ни одним когтем, которые торчали сантиметров на десять. Уже после меня накрыла волна страха. Что ж я за дура такая! Если меня не разорвали медведи, это еще не значит, что можно играть с ними в салки!

Удрученная, с ломотой в костях, которыми я ударилась при падении, я стала собирать лагерь с чувством нерешительности и опустошения. Я была капитаном, который не знает, в какой порт ему нужно — и ему ни один ветер не будет попутным. Понимая, что должна двигаться строго на юг, потому что вчерашний день шла на юго-восток, куда мне вообще не надо, я прикидывала варианты того, как пополнить запас провианта. В это время еще нет шишек, вернее, они есть, но незрелые, брусника зеленая, но уже встречаются грибы, морошка, шикша, жимолость, голубика. То, что по-человечески я ела, возможно, последний раз на долгое время, парализовало сознание, не давало сделать и шагу.

К тому же ноги мои — покрытые мозолями, местами кровоточащие от постоянного трения об узкий чулок ботинка — молили остаться в недвижимом положении еще хотя бы сутки. Но я не могла пойти на такую расточительность по отношению к своему отпущенному запасу жизненных сил. Да и сама я лосося из реки не вытащу, а медведи вряд ли будут продолжать меня кормить. И вообще, нужно как-то от них отвязаться. Вот их не было рядом, и мне следовало поторопливаться поскорее отсюда. Может, так наши пути и разойдутся.

Я полезла через кусты жимолости, еще имея в запасе малую ее толику, потом сопка стала довольно круто забирать вверх. Сначала идти было легко — меня в основном окружали лиственницы, но они сменились зарослями стланика, низкими и густыми. Самое отвратительное в этих кустах было то, что я не видела, куда двигалась, просто лезла через паутину ветвей, а потом обнаружила, что проход между ними был совсем рядом.

За все мое общение с природой не припомню случая, чтобы восхождение давалось мне так тяжело, мучительно и горько. Я ободралась о ветки и обессилела еще на полпути, а к моменту, когда достигла вершины, буквально ползла на четвереньках. Дыхания не было, пот струился по спине, груди, подмышкам, шее, щипал ссадины и раны.

Еще болело плечо — уже не ныло, а именно болело. Не меньше давала о себе знать поясница — вчера при падении с дерева я, несмотря на то что камни были омшелыми, приложилась к булыжнику, и теперь это место опухло, разлился огромный подкожный синяк, сдавивший мышцы и нервы, от чего боль, резкая как выстрел, пролетала вдоль костей от бедра к пятке. Вдобавок я вырвала с мясом ноготь на мизинце, когда в отчаянном желании не упасть хваталась за что придется. Кровь капала на камни, а я уже даже не плакала — не было сил, душевных и физических.

Вид, открывшийся с пика, довольно высокого, завораживал, поражал и приводил в отчаяние: я наконец увидела море. Далеко-далеко — насчитала не меньше семи пиков — стояла синяя вечность и уже чувствовался легкий аромат йода, пусть даже больше в моем воображении. И влажный ветер охлаждал мою израненную душу. Но препятствием на пути к цели встала широкая река со множеством

разливов в живописной, поистине альпийской долине. Я слышала, что на Территории есть заливные луга, но думала, что все это сказки.

Выпив чаю на вершине, я заспешила в долину, но путь оказался не так прост: сыпуны калечили мои и без того истерзанные ноги — пальцы давно были сбиты в кровь и покрыты иссиня-черными синяками. При каждом движении я испытывала невероятные муки. Боль тормозила, но она же подстегивала скорее достичь равнины и разуться.

На смену окатым камням пришли непроходимые заросли, которые я не оценила с высоты — вот опять эта обманчивая простота ландшафтов Территории: сверху все ровненько, гладенько, а стоит ступить на маршрут, вылезают скрытые ямы и трещины. Все как у людей. Сколько раз мне казалась чья-то жизнь такой простой и заманчиво сладкой — вот бы поменяться местами.

Когда я достигла долины, кишашей комарами, смеркалось. Подумать только, за день — а шла я не меньше десяти часов — мне удалось одолеть лишь один хребет. Всего один... Как это преступно мало! А ждал меня штурм реки, который на данный момент я себе никак не представляла.

Истерзанность, почти физическое изнеможение настолько меня измучили, что в какой-то момент я устала брести словно пьяная и просто упала на траву, изъедая комарьем. Я таращилась в розово-красное закатное небо: казалось, художник замешал широкой кистью на палитре красную краску с белой, добавив капельку синей. Красота-то какая! А у меня не осталось сил открыться этому величественному небесному океану и вобрать его в себя, закрыть в кладовой памяти.

Сомкнуть бы сейчас глаза, Господи, ну пожалуйста, а открыв, оказаться уже у моря... Чтобы ноги мои — побитые, окровавленные — облизывала соленая вода. И чтобы пена летела на камни, и пахло морской капустой. Боже, за что ты наказываешь меня? Боже...

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Зимой на горнолыжке бывает так холодно, что выключают подъемник. А однажды, когда температура воздуха опустилась где-то до минус тридцати четырех — и это с учетом повышенной влажности, — исчезло освещение, смолкла музыка. Мы были примерно на середине спуска, когда наступила крошечная тьма. И только звезды, высокие, холодные, надменные, подмигивали с бархата Млечного Пути. Никогда мне не было так холодно. Ноги вмерзли в ботинки, руки не держали палки, лицо уже даже не кололо шипами (первые признаки обморожения), вместо него была неподвижная ледяная маска. Да, такая у нас зима.

И сейчас я будто снова попала в зиму: окоченевшие руки и ноги отказывались слушаться. Я была в снегу по горло без возможности выбраться. Чем сильнее шевелилась, тем больше тонула в гигантском сугробе. И замерзшие ноги все не нащупывали земную твердь. Это было так страшно, я хотела кричать, хотела и не могла: снег был во рту, в носу, он душил... А потом стало тепло. И все развеялось, ушло. Только теплота и мягкость, спокойствие и блаженство после пережитого ужаса, предрешенной близости конца...

Дышать было тяжело, веки не разлеплялись, но с огромным трудом я вынырнула из неги сна, ощущая необычайную тяжесть. Несколько секунд мне потребовалось, чтобы оценить обстановку и, сделав это, не умереть от разрыва сердца.

На мне лежал медведь!!! Теперь я могла узнать этот запах — псины, влажной шерсти и чего-то еще звериного — из тысячи. Плечо ничего не чувствовало, а покоилась я на боку, прижатая могучими лапищами, видимо, передней и задней.

А прямо передо мной... скрутился комочек. Это опять были мои медведи! Над долиной едва брезжил рассвет.

Не шевелясь, я старалась запомнить эту минуту, как «бездушные твари», у которых, по моим собственным убеждениям, чувств не было и быть не могло, шли за мной через заросли, спустились в долину и, поняв, что в одиночку без огня и шалаша я не переживу эту ночь, согрели как равную, будто я тоже была членом их семьи, медведем, только каким-то дохлым и лысым.

Ком, перчатый и шипастый, прокатился от глаз к кадыку, и, уже не сдерживаясь, я дала волю слезам — первым за эту неделю слезам не ужаса, отчаяния или страха, а благодарности. Пока хоть кому-то я нужна, разве могу, имею право сдаться? Пусть моя жизнь, привязанности, друзья и родные остались частью старого доброго кино о былом, но здесь, в этом жестоком настоящем, разве чаяла я обнаружить что-то живое, теплое и неравнодушное?

Медведица зашевелилась, промяв мне все бока, шумно выдохнула выше моего темечка, даже, кажется, причмокнула, от чего медвежонок пришел в ворчащее волнение, и снова затихла. И я, вопреки логике и здравому смыслу, закрыла глаза, уплывая куда-то в лодке памяти и былых сомнений.

...Где-то за окном дрались собаки. Рык и рев долетал так отчетливо, что я забранилась на себя саму, что с вечера не закрыла форточку. Теперь придется вставать.

Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь и что происходит. Мне снова было холодно, пусть не так, как ночью, но лежала я уже в одиночестве. И этот рев... Только присев и не без труда — резь в пересохших глазах была страшной — оглядевшись, я оценила, что же именно происходит, и просто сама себе не поверила. На берегу реки ожесточенно дрались два крупных медведя. А малыш и пестун стояли в стороне и, задрав головы, ревели протяжно и обреченно.

Я была в таком ужасе, что не могла даже закричать. Да это и вряд ли чем-то помогло бы. И поняла не сразу, что крупная сильная особь — это не мама-медведица, а, по всей видимости, самец. Только в тот миг с ужасом осознала, что нам всем грозит: медведи сжирают чужое потомство, и самка, зная об этом, сейчас не на жизнь, а на смерть бьется за своих детей. Если бы ей удалось увидеть или учуять его заблаговременно, она бы просто ушла. Но мишки лежали со мной, грели меня, не дали погибнуть, за что и поплатились. Это жестокий мир дикой природы.

Я знала, что ей не победить, но отчаянно, до боли в ладонях, сжимала кулаки, понимая, что мне ей помочь нечем. Медвежата, как ни желали вступить, тоже держались в стороне, инстинкт самосохранения в них оказался сильнее зова крови. Бойня была страшная, дикая, кровавая и беспощадная. Два бурых кома катались с рыком и ревом по камням, то и дело от них отделялись могучие лапы, хлеставшие друг друга что есть сил, мощные пасти с желтыми резцами вцеплялись в плоть, отрывая куски мяса. Запах крови разносился на десятки метров вокруг. Я должна была бежать без оглядки, но ноги будто приросли к влажной траве.

Сама не знаю, в какой момент в руках моих оказалась обломанная ветка сосны. Вцепившись в нее, я наблюдала, как поверженно, с хрипом и в судорогах, падает крупное тело самки, уже недвижимое, все залитое кровью. Она еще дышала — тяжело, надрывно — и искала... искала глазами своих детей.

Самец, потрепанный, израненный, но все еще сильный, встав на четыре лапы, огляделся и пошел, тяжело ступая, напрямик на медвежат. Он не торопился, понимая, что теперь защитить их некому. Старший, пестун, выступил, закрыв собой малыша, который выл так, что звук его голоса навеки останется в моей памяти как леденящий душу кошмар, от которого не избавиться.

Секунда — и мощная лапа сбила пестуна с ног. Тот, уже достаточно большой для самостоятельной жизни, но еще совсем ребенок в сравнении со зрелым самцом, поднялся и кинулся на врага — отважный и такой беспомощный маленький защитник нашей стаи. Не знаю, как оказалась рядом, это была уже не я — разумная и осторожная, — а только комок инстинктов. Очнулась, когда два яростных черных глаза смотрели на меня в упор на расстоянии вытянутой руки. Вероятно, безотчетное желание защитить, тот самый материнский инстинкт на миг превратили меня в бесстрашного, могучего зверя, ранее запертого в хиллом человеческом теле.

Медведь замахнулся, но не так быстро, как мог бы, из-за ран и уже потраченных сил, но в его лапу тут же вцепился наш с малышом защитник. Он повис на этой могучей конечности как тряпка, ревел, рычал, брыкался, грыз ее и рвал когтями, сознавая всю тщету попытки, но не отпускал. Медведь не без усилий стряхнул его, да так, что тот ударился о камни, безвольным кулем прокувыркался несколько метров и замер. В этот миг огромный хищник распрямылся во весь рост, чтобы оценить врага, то есть меня, перед нападением, и я смогла наконец его разглядеть.

Росту в нем оказалось два метра, не меньше. Буро-белесый, старый, матерый, невероятно крупный и грузный. От него буквально веяло смертью. Он смотрел на меня как на добычу, и не более того. Он не торопился, понимая, что деваться мне, трясущейся козявке с тростинкой в руке, некуда. Да вся я была как одна его передняя лапа. Инстинктивно выставив вперед ветку в качестве единственного оружия и понимая, что никто мне уже не поможет, я заорала ему в морду во все горло, да так яростно и громко, что сама испугалась этого вопля.

Медведь приблизился, явно наслаждаясь моментом собственного превосходства и грядущей расправой, и зарычал в ответ, обдавая смрадом огромной черно-красной пасти с гнилыми пнями зубов. Он не спешил, оттягивая сладкий момент такой очевидной победы.

Я отступила и, потеряв равновесие, рухнула на спину, саданувшись обеими лопатками о камни (адская боль, но то ли еще будет) и все еще держа палку перед собой, но не на уровне груди, а сбоку, потому что правая рука до сих пор сильно болела. Прямо на меня черной лавиной-убийцей уже летел медведь, замахиваясь лапой для последнего удара.

Блеснули когти, и в этот миг в него сбоку врезался какой-то комок, сбивая с траектории. Как в замедленной съемке — я наблюдала такой эффект лишь однажды, когда на моих глазах в кювет, медленно клонясь бортом в обочину, сошел большегруз с прицепом — медведь в прыжке стал разворачиваться боком, все еще пытаясь выровняться, чему мешали инерция и его огромный вес. Я зажмурилась, ожидая взрыва боли, когда всей своей тушей он расплющит меня, а после раздерет зубами и когтями то, что останется. Но вместо горы меха и мышечной массы, меня зацепило лишь вскользь. Я открыла глаза как раз в тот момент, когда сосновая ветка в правой руке — короткая, довольно широкая и заостренная с одного края — вошла медведю в шею под углом и остановилась где-то в своде черепа.

Кровь — почти черная и густая как машинное масло — потекла по ветке и, прокладывая себе дорогу между камнями, дальше, в сырую землю. Рука одеревенела и отказывалась слушать приказы мозга. Казалось, вечность я смотрела, как по костяшкам пальцев струится горячая жижа, боясь, что, если отпущу палку, медведь оживет.

И тут я услышала вопль. Так орал не человек, то заходило агонизирующее животное. И этим животным была я. Не в силах пошевелиться из-за чудовищной тяжести, хоть билась под медведем изо всех сил, я с трудом отняла руку от окровавленной ветки, которая вошла меж камнями так крепко, что и не шелохнулась, когда я перестала ее держать.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы выбраться из-под этой гигантской туши. Я все еще не верила, что это реально, потому что ничего более чудовищного со мной никогда не происходило. Болела, кажется, каждая клетка тела: спина была вся в синяках, грудную клетку сдавил спазм, наверное, не обошлось и без трещин в ребрах. Затем меня сотряс приступ кашля неимоверной силы и продолжительности. Задышавшись, я повалилась на землю, обливаясь слезами. Казалось, из меня изойдут все внутренние органы. По-пластунски я поползла к рюкзаку и, вывернув все на землю, нашла в косметичке спасительный леденец от кашля, над которым я так потешалась в самом начале.

Постепенно я вновь смогла дышать, но боль в груди не отступала. Медленно я начала воспринимать действительность. Услышав звуки, рвущие душу, посмотрела туда, откуда они доносились. Маленький мишка и пестун сидели рядом с телом погибшей матери. Им не было никакого дела до человека, они... плакали. Клянусь, повидав на своем недолгом веку достаточно слез — счастья, горя, отчаяния, тоски, — никогда еще я не видела, как плачут звери. От этого душа, вывернувшись наизнанку, опускалась куда-то вглубь тела, чтобы не слышать воя, безысходнее и обреченнее которого не было ничего на целом свете.

Я не смогла подойти к ним, потому что сама рыдала, не таясь, не стесняясь. Если плохо — надо кричать, по-звериному, яростно, неистово, безудержно, пока вся сажа, вся копоть и грязь не сойдут с души, не вымоются слезами. Я была так безутешна, отчаяние выходило из меня столь мощными волнами, что не сразу поняла, что это такое мокрое тыкается мне в опущенные руки. Малыш с мордой в дорожках слез, абсолютно по-человечьи всхлипывающий и икающий, смотрел на меня своими пуговками, такой доверчивый, беззащитный и теперь безраздельно мой.

Глядя эту ершистую макушку, я снова вернулась к жизни. Я поняла, зачем в этот мир приходят дети, которых я никогда не хотела. Именно ради них мы становимся сильными, бесстрашными и жертвенными. Мы становимся настоящими, теми, кем нас и задумала природа.

Я опустила ее на камни, он залез на мои колени и прижался так крепко, что я нас уже не разделяла, мы были с ним одной крови, плоть от плоти. И плакали тоже вместе, теперь уже тише и горше. Он обнимал меня смешными, непропорционально широкими когтистыми лапками, а я его — ветками исхудавших синюшных рук с черными ладонями и обломанными ногтями. Я так отчетливо ощущала его звериную боль, что она, изливаясь из маленького медвежьего сердца, текла прямоком в мое — большое, человеческое, страдающее, скорбящее и бесконечно печальное.

На какое-то время пестун выпал из моего обзора, но, когда я отыскивала его глазами, беспокойство вновь овладело разумом. Он, недвижимый, лежал возле медведицы. Прямо так, с малышом на руках, я подошла к нему, но он зарычал, предупреждая: больше ни шагу. Из его левой лопатки был вырван кусок мяса, и кровь пульсирующими толчками текла по лапе на камни. Плохо дело.

Выход оставался только один, и медлить времени не было. В рюкзаке все еще испускала робкое тепло консервная банка. Опустив малыша на травку, я, заметавшись, разыскала все необходимое для костра и развела его дальше по берегу, за изгибом линии воды, чтобы не видеть эти поверженные туши. Впервые моим резонансом было не просто желание согреться, а спасение чьей-то жизни. Когда пламя расплясалось, я вытащила из огня крупную головешку, красно-белую от жара и пепла и, сглотнув, пошла к трупам медведицы, возле которой все так же неподвижно лежал ее старший сын. Не раздумывая, я приложила алое от температуры полено к кровоточащей ране.

Запахло жареным мясом, а медведь испустил неистовый дикий вопль и подскочил так стремительно, что я в испуге навела огарок на него. Это, по всей види-

мости, спасло мне жизнь, потому что пестун был исполнен решимости кинуться на меня и разорвать за всю ту боль, что я ему причинила. В нем говорили не раны физические, то вопила истерзанная живая душа, которой, как нас учат, у зверей нет, из него извергалось без слов, что мать его погибла из-за меня. Это так явственно читалось в глазах зверя, что я испугалась того, как хорошо его поняла, будто он не прорычал, а проорал мне все это и еще много обидных, но справедливых человеческих слов.

Если бы могла, я бы просила прощения у этих детей, сотню, а может, и тысячу раз. Хотя в глубине меня зрела убежденность, что все случилось не вдруг, что, не оказись рядом медведица, самец разорвал бы меня, обессиленную и спящую в беспробудном забвении, без малейшего сомнения, потому что среди них, как говорят специалисты, тоже много психов и отъявленных мерзавцев. Все как у людей.

Она пожертвовала своей жизнью, чтобы спасти мою. И теперь я просто не смогу бросить ее детей. Не знаю, чем сумею им помочь, но уж точно не оставлю. Это чертовски затрудняло построение дальнейшего маршрута, но стало фактом, не подлежащим обсуждению.

Когда решение было принято, мною овладели другие думы, главной из которых стала — как перейти реку. В отличие от ручьев, что встречались до того, эта была широкой, метров сто пятьдесят, и на вид достаточно глубокой — вброд не перейти. Особенно с медвежонком на руках. Да и течение оказалось небурное, но уверенное. О подводных мне предстояло еще узнать, но что-то подсказывало, что они гораздо коварнее, чем внешнее — на Территории нет спокойных рек. Основная задача — сохранить огонь и не утопить медвежат, а также не потонуть самой, потому что вода в реках Территории никогда не прогревается выше десяти градусов, даже когда лето в зените.

У меня было немного веревки, целлофановые кульки, жалкие остатки косметики, один пакетик чая, термос, консервная банка и никакого представления о способах взятия водной преграды с балластом. Было очевидно, что мне просто нужно что-то плавучее, но где его взять? На ум приходил плот из бревен, но для полноценного сооружения у меня не было ничего — ни бревен, ни веревки. Нужен план, какой-то разумный выход.

С этими тяжкими думами я бродила по берегу взад-вперед, в отчаянии пиная камни и отирая лицо, пылающее от слез и ветра. Мне нужно на тот берег, нужно как можно скорее. Сегодня довольно жаркий день, что позволит мне обсушиться. Что обнадеживало больше всего, так это отсутствие медведей. Поверженный самец явно был доминантом и изгнал со своей территории других представителей вида. Хоть этого какое-то время можно не опасаться.

Пройдя не меньше километра в сопровождении мишек, я наткнулась на первое подходящее поваленное дерево. Ствол в диаметре был сантиметров тридцати, длиной — под два метра. Если удастся обнаружить еще один, этого вполне хватит, чтобы удержать на плаву меня, рюкзак и малыша. Пестуну придется плыть рядом, потому что двоих маленький плот не выдержит.

Ствол второго дерева нашелся только метров через семьсот. И был он в диаметре чуть больше, а в длину короче. Медведи, пока я искала бревна, тупо шли следом, изредка оборачиваясь в сторону, где на камнях лежала их погибшая мать, которую уже давно не было видно. Каждый шаг давался мне болью и мукой, но идти или не идти — такого вопроса вообще не стояло. Если что-то болит — значит, я все еще жива. Тем более если болит душа. А она просто разрывалась на части из-за звериной бойни. Никогда еще живое существо не отдавало за меня свою жизнь. Тем более дикое, хищное, чуждое миру людей. Для меня это значило так много, что груз пережитого чуть не ломал плечи.

А еще я думала о родительском доме. При каждом воспоминании о детстве — сладком, пряном, пахнущем скошенной травой, загорелой кожей, одуванчиками, вишневым мороженым и предвкушением неизбежного счастья — внутри меня все сжималось, от чего становилось почти физически невыносимо.

Моя мама... мамочка моя бедная! Как она переживает эти страшные вести? Представляю себе: «Здравствуйте. Ваша дочь была в пропавшем с радаров вертолете. Мы пока не можем вылететь на поиски. Но вы не волнуйтесь».

Мама у меня такая простая, небоевая, безропотная... У нее ведь даже накоплений нет, чтобы купить билет в Город с «материка», а в сезон это может быть и шестьдесят, и восемьдесят тысяч рублей в один конец. Для мамы ведь это действительно неподъемно большая сумма. Но и сидеть, когда ребенок в смертельной опасности или даже погиб, для нее будет невозможно. Мамочка, мама, я жива!..

Слезы вновь текли по щекам, губы дрожали, ноги не слушались, но я тащила ствол дерева, который прыгал по камням и рвался из моих рук, оставляя в ладонях занозы. Через каждые десять-пятнадцать метров я тормозила, кидала его на землю, боролась с головокружением, даже обмывала лицо ледяной водой, чтобы не хлопнуться в обморок, снова вставала, тащила. Найдя недурное место для поляны, оставила его там и пошла в противоположную сторону, туда, где лежало первое. Несмотря на то что оно было потоньше, тащить его оказалось ничуть не проще. В конце концов я оказалась так измотана, что на какое-то время легла на берег и отключилась.

Проснулась я оттого, что Малыш — теперь это уже было его имя — лизал мне лицо, ворчал и ходил по груди и рукам. Пестун — Пестик — невдалеке, стоя в воде, пытался добыть рыбу, как это делала его мать. Солнце стремительно шло в закат. Я провалялась никак не меньше двух часов и даже не заметила. Плохой симптом. Так ведь можно уснуть где попало и уже не проснуться. Вялые поиски рюкзака заняли минут двадцать. Он остался валяться между погибшими медведями. Хорошо, что мои спутники были заняты чем-то в кустах, может быть жевали траву или ягоду, и я ушла незаметно — не хотела, чтобы они увидели свою убитую мать.

Вернувшись, я перенесла костер с того места, где развела его еще днем, чтобы оказать помощь Пестику, туда, где решила вести приготовления к плаванию. Постоянно почесывая грязную голову, накусанную комарами, множественные трупки которых так и сыпались при любом движении, рассуждала о простой необходимости: нужно помыться. Тучи, идущие со стороны моря, подсказывали, что на Территорию стремительно надвигается циклон. Оставалась, конечно, слабая надежда, что он свернет куда-нибудь, но уже сейчас имело смысл думать над тем, как я буду спасаться.

О том, чтобы переправляться через реку сегодня, не могло быть и речи: через полтора часа стемнеет и станет холодно: мощные порывы с моря уже долетали до долины и приносили, мягко говоря, осеннюю свежесть. Подкормив огонь сухими ветками, я поставила на него банку с водой. Сначала накипятить воды полный термос для мытья, потом можно подумать о чае и ночлеге. Больше планов сегодняшней вечер не вместит.

Подготовка банных процедур заняла полчаса. Теперь воды хватало на мытье головы. Я распустила волосы и пришла в ужас от их состояния: спутанные, тусклые пакли, разобрать которые на пряди будет очень сложно. А если сразу мыть, то я вообще не раздери никогда этот колтун.

Решение пришло неожиданно, но было таким очевидным, что я ни на секунду не усомнилась в его правильности, жалея лишь о том, что не сделала этого раньше. Вооружившись маникюрными ножничками, я стала беспощадно кромсать свои красивые некогда локоны, беря их небольшими пучками и отрезая примерно

одинаковую длину. Хрррясь, сделали ножницы. И на спутанных кончиках повисла довольно крупная прядь. Хрясь, хрясь, хрясь. Это всего лишь волосы, не о чем тут жалеть, подбадривала себя я, представляя, как стану выглядеть, когда завершу начатое. Чтобы хоть как-то представлять процесс, я поставила на камень зеркальце, в котором была видна часть головы, и хотя бы пыталась резать согласно какому-то замыслу. Вода кипела, я переливала ее в термос, потом уже и в пластиковую кружку, а цирюльные процедуры все еще шли.

Когда я закончила, под волосами бегал ветер и охлаждал кожу. Теперь у меня была короткая вздыбленная челка, спасибо наследственности и папиным вихрам, и вообще сальные волосы стояли торчком так, как я их и отстригала. А рядом валялась приличная куча каштанового цвета. Ее я поместила в маленький прозрачный пакет в надежде сделать себе подобие подушки. Да и вообще, просто выкинуть свои волосы мне в тот момент показалось кощунством.

Мытье не отняло много сил и времени. Да и воды осталось еще почти на всю меня. Впервые за много дней я чувствовала себя почти чистой, но теперь мучилась от невозможности надеть свежую одежду. Пришлось нагревать еще кипяток для стирки исподнего, ведь три комплекта белья были использованы, и ни разу я не решилась его стирать. Теперь же, в банный день, я перестирала все, что смогла, оставив только то, во что можно было укутаться, и развесила на палках у костра. Уже в глубоких сумерках пустилась в строительство шалаша, прикидывая, как его сконструировать, чтобы и мишкам было где прилечь, если они захотят присоединиться.

Все это время Малыш и Пестик провели у реки, почти не обращая на меня внимания. Было видно, что они голодные, но я не могла им ничем помочь, потому что у меня больше не было при себе ничего съестного и я не умела, как они, лапами и пастью вылавливать лосося из ледяной воды. Это пока не получалось и у старшего, но шансов у него, как ни крути, было побольше, чем у меня.

Уже когда шалаш был почти готов, от реки донесся плеск и рычание. Присмотревшись, я увидела, что Пестик вытащил на берег бьющую хвостом кетину и тут же откусил ей голову. Малыш орал, но не мог подойти к старшему брату без приглашения, потому что пропитание ему всегда приносила мама-медведица, это и было сигналом, а отобрать он не мог.

Пришлось вмешаться, хоть я сильно рисковала.

— Ну-ка отдай! — встав перед Пестуном, твердо сказала я, в очередной раз удивляясь звукам своего хриплого, неприятно низкого голоса. Оказывается, долго не говорить — для связок тоже плохо. Вероятно, я давно простужена, но каким-то чудом еще держалась на ногах.

Пестик поднял на меня злые пуговицы глаз и зарычал. Тихо, предостерегающе.

— Нет уж, дружок, это не мне, а брату твоему! — достаточно длинной палкой, не меньше двух метров, я пододвинула меньшую половину кеты Малышу. Пестун, не сводя с меня глаз, вернул ее себе лапой, все еще тихонько рыча.

— Ни хрена! — я смотрела четко ему в глаза и двигала палкой рыбу в противоположную сторону. — Дай ему!

Медведь рычал, громко и тяжело дышал, смотрел на меня с неприкрытой ненавистью, тянулся к рыбе, но не более того. Когда кета оказалась возле Малыша, он впился в нее своими зубками-иглами, придерживая хвост смешной непропорционально крупной лапой. В момент, когда половина уже была съедена, старший не выдержал и кинулся на мелкого, вознамерившись во что бы то ни стало отнять еду. Но я была начеку и отреагировала даже раньше, чем оценила степень риска. Размахнувшись, я опустила палку медведю на хребет. От неожиданности он с утробным воплем отпрыгнул, а я встала перед Малышом, загораживая его от злобного, жадного брата.

Мне было ясно, что, если он кинется, силы наши окажутся неравны, но я не могла оставить маленького без питания, потому что он до сих пор пил еще и материнское молоко, но, если лишить его того и другого, Малыш очень быстро ослабнет и умрет. Самостоятельно еду я ему не добуду, только грибы, ягоды да шишки, но, может, ему пока не все можно, я же не медведица, я не знаю.

С минуту длилось наше молчаливое противостояние. Пестун стоял на четырех лапах и смотрел на меня в упор ничего не выражающим взглядом, все так же тяжело дыша, а потом развернулся и пошел обратно к реке. Когда я обернулась, мелкий потешно сидел на толстеньком задке, смотрел на меня и икал.

Куда ушел Пестик, я так и не поняла, нигде поблизости от лагеря его не было. Разыскивая старшего медведя, я подсобрала дров, чувствуя, как стремительно ухудшается мое состояние. На фоне медлительности и вялых мыслей, которые ходили по кругу, я то и дело заваливалась набок, потому что теряла ориентацию в пространстве и не понимала, почему все вокруг качается, будто я на палубе корабля.

Меня начало сильно тошнить, во рту появился привкус желчи, в животе участились рези. В таком состоянии, пока Малыш играл на берегу с уже погрызленным тюбиком, который невесть как добыл в рюкзаке, я натаскала побольше сухого топлива на случай дождя, укрыла его в шалаше, легла на ветки стланика, которые наломала еще ранним вечером, и незаметно для себя уснула, даже не раскрыв на ночь книжку.

Где-то посреди ночи ко мне пришел Малыш. Не просыпаясь, я пригребла его к себе и, уткнувшись в пахнущую псиной шубку, погрузилась в тревожные, полные опасностей сны.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

На мою голову текла вода, скатываясь озорными струями по лбу, ушам, щекам и шее. Было холодно. Открыв глаза, я удостоверилась, что чуда не произошло и я все еще на берегу какой-то реки борюсь за право жить.

В шалаше, продуваемом всеми ветрами, где в дырки между кулками затекала вода, кроме меня, никого не было. Выглянув, в стене дождя я увидела... гору рыбы и медведей, которые, наевшись до отвала, валялись, абсолютно не боясь промокнуть и простудиться. Я не рыбак, но много раз слышала, что лучше всего ловить рыбу в дождь. Это оказалось правдой.

А еще я знала, что в такую погоду всю живность почему-то тянет к воде. Вдали на другом конце реки стояла лиса с лисятами, по деревьям бегали бурундуки, еще какой-то мелкий хищник, соболь или горноста́й, крутился у воды метрах в тридцати от шалаша. Все радовались буйству природы, одна я, продрогшая до костей, негнущимися пальцами разламывала дрова и раздувала огонь потрескавшимися сухими губами.

Нездоровье во мне разгоралось в полную силу, озноб был невыносимым, горло болело, из носа текло, щеки пылали, а глаза резало и щипало. Но, когда занялся костер и первые робкие язычки пламени заплясали и затрещали дровами, стало легче. Нажечь углей и приготовить рыбу — вот программа максимум.

На осуществление задуманного мне потребовалось больше часа. Пока огонь был в полной силе, я снова накипятила воды и, поскольку чая не осталось, использовала все, что хранила в рюкзаке: веточки стланика, брусничный лист, можжевельник и иван-чай. Напиток получился достаточно душистым и крепким. Пожалуй, сейчас это было единственное, что могло придать мне сил.

Прежде чем угли прогорели, я выпила больше половины термоса, долила кипяток и принялась за кету, которую предварительно испоролла все теми же неза-

менимыми в любых начинаниях маникюрными ножницами. От жадности стала запекать сразу две рыбины, а когда одна развалилась и упала в золу, даже порадовалась, что она станет чуть соленой.

Отламывая розовые горячие куски и прихлебывая чай под шум дождя и треск костра, я не сдерживала слез. Девятый день в дикой природе я все еще жива. Это было так похоже на сюжет кинофильма, что жизнь моя теперь представлялась какой-то постановочной, как будто меня уломали участвовать в телешоу, понатыкали камер и теперь рвут рейтинги, а в конце и мне, по условиям контракта, перепадет гонорар. Да. И это будет жизнь. Моя, практически отнятая катастрофой.

Теперь я слабо себе представляла работу в редакции, как будто оглядывалась на события дней давно минувших, как умудренные опытом женщины смеются над ошибками юности и вспоминают первых любовников, когда в законных браках давно уже выросли дети.

Всего каких-то десять дней назад я звонила в отдаленные поселки, брала информацию, торопилась со сдачей заметок в номер, ругалась с верстальщиками и корректорами, предлагала на планерке очередной интересный сюжет на будущее, а теперь вот сижу под дождем в собственными руками построенном из чего попало укрытии и оцениваю свою жизнь с позиций философского самоопределения. Чего я не смогу теперь сделать наверняка, так это выкинуть вполне пригодную к использованию консервную банку или пакет.

Малыш заглянул в мой шалаш, ткнулся мокрым носом в восьмидесятую страницу «Территории», отряхнулся, обрызгав меня, и улегся, рискуя подпалить спину в костре. От нечего делать он обхватил лапами мою лодыжку и стал кусать косточку — щекотно. Я его отпихнула, а он того и ждал, затеяв игру с кувырками, весьма опасными в ограниченном пространстве хлипкого жилища. Заигравшись, не заметила, как вовнутрь просунулся Пестик, глянул на меня в упор и убрал голову.

— Пестик! Мишуля! — мой голос тонул в воде, летящей с неба потоками. Вероятно, звери сильно вымокли и тоже стали мерзнуть. А поскольку мамки у них больше не было, они пришли в то укрытие, которое придумала я. Но у нас со старшеньким были разногласия со вчерашнего дня, и он еще о них не забыл.

Медведь обернулся на голос, встал на задние лапы и замер.

— Иди, иди ко мне! — было очень ветрено и мокро, но я не могла уйти, не пригласив его к себе, было важно, что он не один, что мы с Малышом не против, не гоним его. Он нужен был мне как защита, и просто нужен. Не знаю, может быть, из-за чувства вины я боялась вновь остаться одна.

Он опустился на четыре лапы, все еще не двигаясь с места. Я сделала то же самое, зарывчав подобно медведице. Это было так глупо, что я сама не верила в свои действия. Пестик зашевелил ушами и даже, кажется, посмотрел на меня как на дебилку. Но потом шагнул вперед, неуверенно, даже робко. Было видно, как тяжело ему даются эти шаги, будто он предавал память об убитой матери, впуская меня в свое сердце.

Я развернулась и на четвереньках зашла в шалаш. Следом появился и медведь, он отряхнулся, чуть не потушив костер, и, заняв собой почти все пространство, лег, уставившись на огонь. Неправда, что звери боятся пламени, подумалось мне, во всяком случае, те, что хоть раз от него грелись, точно нет.

Мне так хотелось его коснуться, но я не спешила, боясь разрушить это хрупкое равновесие. Налив себе еще отвара, я принялась за чтение, будто все так и должно быть: шалаш из полиэтиленовых пакетов, веток и стланика, костер внутри него, лежанка из веток, чай из лесных трав, самая лучшая в мире книга и два медведя рядом.

Когда дождь наконец унялся, а было это в глубоких сумерках, я вышла на берег и села чистить рыбу, которой было не меньше шести хвостов. Конечно, медведи не ловят так аккуратно, как люди, кое-где меня ждали вспоротые животы

и откушенные головы с хвостами, но в целом еды было предостаточно, только бы не дать ей пропасть. Лучше всего закоптить, для этого нужен еще шалаш, потому что в моем от дыма, необходимого для копчения, будет нечем дышать.

У меня был еще один нетронутый здоровенный пакет, который я берегла на всякий случай. Видимо, он настал. Соорудить маленькую коптилку было несложно, как и сделать распорки для трех небольших рыбин. Те, что помяснее, решила запечь на углях. Конечно, сейчас я никуда не двигалась, но начала испытывать драйв от того, что со мной происходит и как я с этим справляюсь. Еще совсем недавно я сжималась в ужасе от возможной встречи с медведем, а теперь пользуюсь его охотой, чтобы кормиться.

Следом за мной вышли и косолапые, попутно поджирая все, что я отбрасывала в сторону. Было понятно, что отныне я старшая в стае для них двоих и без моего разрешения ни один, ни тем более второй не могут распоряжаться пищей и самовольно покидать место обитания. Им нужен был вожак, а мне — компаньоны.

Когда я закончила, наступила ночь, но на сей раз я чувствовала себя почти здоровой, не считая ноющей ключицы и сбитых, в мозолях, кровотокающих ног. Что и оставалось — просто лечь спать, надеясь на солнечное завтра.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

Солнце так разрезвилось и расплясалось на моем лице, что я порядком вспотела, лежа лицом к незакрытому входу. Наверное, такую дыру в шалаше проделали медведи, когда уходили на улицу. Сегодня и река не журчала, а пела, и ветер нес сладкий запах ягод и близости дома.

Хоть от вчерашней испеченной рыбы осталась жалкая половина туши, была погрызена и та, которую я пыталась прокоптить, но это не испортило мне настроения. Помывшись в реке и почистив зубы, я принялась за питание и ела с таким удовольствием, будто сидела в любимом ресторане в день зарплаты и могла особо не париться по поводу цен в меню.

Очевидно, именно сегодня мне предстоит перебраться на ту сторону. Бревна, изрядно потяжелевшие от проливного дождя, валялись там же, где я их и оставила. Всех запасов веревки мне должно было хватить на скрепление их между собой. Еще я решила сплести дополнительное усиление из гибкого тонкого ивняка.

Еле-еле сдвинув сырые бревна, я оценила, что смогу с ними сделать, и пошла за ветками, оторвать которые без ножа было не так-то просто. Только это вместе с плетением отняло у меня пару часов, но, не отчаиваясь, я стала вязать свою конструкцию, всерьез не веря, что смогу спустить ее на воду и тем более куда-то поплыть. Конечно, на крайний случай я приняла решение добираться до противоположного берега брассом, но боялась, что в таком случае Малыш не выдержит переправы. А если он со страху полезет на меня, потонем оба.

Я связывала бревна ивняком и закрепляла веревкой, обвивая всего на раз. Вскоре, когда солнце во всю свою оранжевую мощь стояло высоко в небе, для круиза все было готово. Замусоленные, но почти не дырявые и сухие пакеты были в заплочном мешке, туда же отправилась банка с углями и все вещи. Я осталась в трусах и верхе от купальника.

Стянув плот одним концом в воду невероятным напряжением мышц, я подозвала Малыша с Пестиком, одного посадила на бревна, другому, как могла, стала объяснять смысл затеи. Рюкзак привязала к голове лямками, благо моя модель была укомплектована дополнительными стяжками. После этого стала толкать подобие плота.

Малыш очень нервничал, бегал от края к краю, издавал невнятные звуки и норовил прыгнуть в воду. Старший был рядом со мной, глядя на это все в явном недоумении. Толчок, еще один — и конструкция оказалась на воде. Чтобы не перевернуть плот, мне пришлось лечь и потихоньку ползти по бревнам, царапаясь голым телом о древесину. Медвежонок все-таки чуть было не прыгнул в воду, но я вовремя схватила его за заднюю лапу. Плот качался как бешеный от любого, даже незначительного, движения, бревна терлись друг о друга, я обнимала их с обеих сторон ногами, чтобы не дать развалиться, понимая, что в этом случае нас с напуганным Малышом просто унесет течением.

Плюх — Пестик понял, что его бросают, и погреб следом, нагнав нас быстрее, чем я рассчитывала. Хорошо быть медведем — упитанным, бесстрашным и плавающим. Конечно, река несла меня вдоль берега, а никак не к противоположному. Я запаслась палкой-рогулькой, которую обмотала ивняком наподобие весла, но не могла ею воспользоваться из-за боязни сесть. Проявляя чудеса эквилибристики и молча радуясь, что все еще сажусь на продольный и поперечный шпагаты, я еще больше раздвинула ноги, расставила их с боков и стала потихоньку принимать вертикальное положение, чувствуя, как тонет более пригруженный край.

И тут свое дело сделал Пестун: он решил опереться о бревно, чтобы передохнуть, или захотел присоединиться к брату, но вся конструкция резко подпрыгнула, и Малыш оказался в воде! Он был еще слишком маленьким, чтобы плыть самостоятельно, поэтому орал и барахтался, а я не знала, как его достать. Как ни крути, в нем было минимум килограммов пятнадцать, которые мне одной рукой было не выудить. В реке шла борьба не на жизнь, а на смерть. Младший брат цеплялся за старшего, все происходило как у людей, а я не знала, как помочь. Очутиться самой в холодной реке мне совсем не хотелось.

Я ткнула в Малыша своей палкой-рогаткой, обмотанной ивняком, и он, отстав от брата, уцепился за нее лапами. Мы отплыли довольно далеко и были где-то на середине водоема, подхваченные усиливающимся потоком. Подтянув палку как можно ближе к бревнам, я позволила медвежонку держаться за них. Старший уплыл достаточно далеко и направлялся точно к противоположному берегу, четко угадав мои намерения.

Все шло неплохо, я даже гребла, чувствуя, как ноют плечи и шея от физической работы и тяжести привязанного к затылку рюкзака, пока вода не забурилась от внутреннего течения. Мы с Малышом подскочили, как от пинка, и я успела его схватить, силой рванув на себя, прежде чем с треском порвались все мои укрепления, и бревна заплясали как живые.

Только силой мышц ног я держала конструкцию, еще помогая не до конца расплетшийся ивняк. Я гребла усиленно, неистово, а в это время Малыш в ужасе лез на меня, сильно царапая мое голое тело. Он был в такой панике, что мне пришлось зарычать и хлопнуть его по макушке. Это подействовало отрезвляюще. Вжавшись мордой в мой живот и обхватив меня когтистыми лапами, он затих, весь дрожа. Если бы не гребля, я бы зарыдала от умиления, но на это не было времени.

Я не думала даже, что с другой стороны реки течение так усилится, и, когда это вновь произошло, нас понесло стремительно и неостановимо. Пестик уже был на берегу и несся параллельным курсом, догоняя плот. Он ревел как раненый, потому что понимал не хуже меня, что именно здесь и сейчас мы можем разлучиться навсегда. Это было невероятно, но Малыш так слепо мне доверился, что лежал все в той же позе, будто мертвый. Хватка, во всяком случае, у него была именно такая.

Впереди сбоку замаячила отмель, дальше были множественные пороги, которые я в ужасе заметила издали. Прыгать, другого пути нет! Весло мне было уже как мертвому припарка, и я его отшвырнула, потом неимоверным усилием

отодрала от себя медведя и бросила в воду, точно зная, что он достанет до дна, а после слетела с бревен сама, не уйдя под воду только потому, что в этом месте было достаточно мелко.

Сильно приложившись о каменистое дно коленками, я заорала, пытаюсь бороться с течением. Голова все еще была над водой, я держалась из последних сил, пытаюсь встать на ноги, ведь до берега оставалось рукой подать. Пестун уже бежал навстречу Малышу, который ревел как ненормальный. И вот я уже стояла на ногах, даже видела отмель, сделала шаг, но не удержалась, зацепившись за что-то на дне, и снова оказалась в потоке!

Меня швырнуло на камни, потом еще и еще, рюкзак тянул вниз, но вместе с тем смягчал удары. Не было на теле моем, наверное, ни одного места, по которому не прошли бы речные булыжники. Я яростно хватала ртом воздух, стараясь хотя бы держаться над водой и сквозь всю эту жуткую бурю, через холод, сковавший конечности судорогой, рев медвежат слышала какой-то гул, не сразу поняв, что так... поет водопад.

Мне нужно было во что бы то ни стало за что-то уцепиться, но я не видела ничего вокруг — мелькала только вода, вода и обрывки теперь уже неблизкого берега. Шум все приближался, течение усиливалось, камни лупили сильнее. Если я упаду, то точно разобьюсь!

В этот момент ноги почувствовали воздух, я подлетела между двумя огромными валунами, после которых потоки резко стремились вниз, разбиваясь там белой пеной о торчащие из воды скалы, и просто растопырила руки. Удар оказался такой силы, что в какую-то секунду мне показалось, что треснули кости. Я висела над обрывом на руках и являла собой подобие распятого Христа. За спиной ярился водопад, едва не захлестывая плечи. Можно лишь представить, с какой силой я приложилась, но, во всяком случае, пока мои хилые верхние конечности держали меня над гибельным местом, хоть и тряслись от невероятного напряжения.

В эту секунду из зарослей, довольно буйных у воды даже на Севере, показались две перепуганные медвежачьи морды. Я ничего не могла сделать, только улыбнуться им, крикнуть, стараясь перебить шум воды, что-то ободряющее, но выбраться самостоятельно не имела ни малейшей возможности. Еще, возможно, минута, и руки откажут, подломятся, и я полечу напрямик на острые пики скал.

Я задрыгала ногами, стараясь нащупать хоть что-то твердое, чтобы ослабить давление на кости рук, но не очень успешно: пятки то и дело проскальзывали. Что-то потянуло меня наверх, затрепало и вновь потянуло, аж подбородок, к которому был примотан рюкзак, заболел и до скрипа сжались зубы. Боковым зрением я увидела мощную лапу на камне, перепуганную мордашу Малыша и вдруг поняла, что Пестик... тянет меня зубами за рюкзак! В это невозможно было поверить, никакие слова, витиеватости словесности не могли достоверно изложить этот удивительный факт, не вызвав вполне разумного сомнения. Но. Он. Это. Делал! И я просто обязана была ему хоть как-то помочь!

Работая ногами как мельница, я нащупала правой пяткой выемку между камнями и, чувствуя, что меня все еще что-то держит, толкнулась левой рукой, перекатившись на камень, за который держалась правой. Если бы не крепкие медвежьи челюсти, я бы сто процентов упала, но он держал меня, упершись четырьмя лапами. Нащупав опору теперь уже носками, я стала подтягиваться на руках, несмотря на чудовищную боль — старую, в ключице, и новую, благоприобретенную в результате этого падения.

Мы выкарабкивались мучительно долго, я скользила руками и ногами, вода лупила по мне потоками, но я лезла, чувствуя поддержку тех, кто со всей звериной искренностью сейчас не давал мне погибнуть.

Когда я наконец оказалась на сыром земляном берегу, слезы брызнули, едва не образовав реку, еще более бурливую, чем та, что чуть меня не убила. Верилось и не верилось, что и это тоже со мной случилось. Как? Почему? Что заставило дикое животное, незнакомое с людьми, никогда не имевшее с ними контакта, ринуться на спасение? Я не имела дел с медведями и мало что знала об их повадках, но, пожив рядом с ними, поняла и приняла их всем сердцем.

Нужно было срочно удостовериться, что я достаточно герметично закрыла банку и что мой дорогуший рюкзак способен держать воду, как в том убеждал производитель. Мы с моей новой семьей оказались на поляне недалеко от воды. Пели птицы, летали и лезли в глаза комары с мухами, где-то пищало и шуршало невидимое лесное зверье, и как-то не верилось, что в нескольких десятках метров отсюда только что чуть не погиб человек.

Если бы меня не стало, на этой поляне ровным счетом ничего бы не изменилось. И если бы я не повстречалась с медведями, они бы шли сейчас куда-нибудь за мамкой, не предполагая, что где-то только что оборвалась жизнь, до которой им нет и не было никакого дела.

Конечно, производитель наврал, но не во всем: банку спасли тряпки, в которые она была умотана, и полиэтилен. Рассчитывая развести костер сразу на противоположном берегу, я почти лишила содержимое доступа кислорода. Не меньше десяти страниц «Территории», которая все это время покоилась в кармане на крышке рюкзака, да еще и была замотана в пакеты, потребовалось, чтобы занялся дымок и появились первые признаки горения.

Меня всю колотило от адреналина и холода, влажные вещи, которые пришлось надеть, противно облепляли тело, забирая последнее робкое тепло. Медведи ходили кругами и тоже не могли найти себе места после пережитого. Господи, это же просто дети, которые носят коричневые шубы и не умеют говорить! И сейчас им так же страшно и больно, как и настоящим человеческим детенышам, только боль эта, не выраженная вербально, льется из глаз, но оттого ощущается острее.

Когда разгорелся костер, я была вынуждена вновь стянуть с себя все, кроме исподнего. Вечерело, становилось холодно, к тому же поднялся ветер, порывы которого хлестали мое тело. Одежда почти не сохла из-за недостаточности жара и влажности воздуха. В какой-то момент мне стало так невыносимо холодно, что самым простым решением было начать приседать, но голод взял свое: после пятой попытки голова закружилась, колени подломились, и я рухнула оземь, трясясь теперь еще и от слабости. А дальше будут рвота, понос, цинга, трофические язвы и смерть. Если раньше меня не доконают простуда и постоянные переохлаждения.

Лежа в позе зародыша, я верила и не верила, что все еще жива. Физически мне было настолько плохо, что передать это просто невозможно. Самое страшное, несмотря на озноб, от которого я колотилась как отбойный молоток, — внутри зрело нечто, похожее на умиротворение и покой. Лежать, не двигаться, и наступит спасительный сон...

Сзади что-то зафырчало, сразу после этого стало тепло. Кто-то большой, мохнатый и теплый прижался к моей трясущейся костлявой спине, повошкался и затих. Судя по размерам, это был не Малыш, а его своенравный и независимый братец. А младшенький какое-то время еще покрутился, сунул носом в рюкзак, но, не найдя там ровным счетом ничего интересного, улегся спереди так, чтобы видеть мое лицо, и, заглядывая через пустые застывшие красные от слез глаза в самую душу, задиристо пихался передними лапами, тыкаясь в хилую грудь и впалый живот.

Они приняли меня. Приняли не как человека, а как медведя. Причем старшего и авторитетного. Как же я могу теперь просто взять и сдать? Если не ради себя, мне необходимо идти дальше ради них. Пусть даже они и не просили.

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

Мне пришлось подскокить затемно, давали о себе знать отсутствие укрытия и влажная одежда, все еще сохнущая на огне.

Костер еле чадил, но в основном мои истрепанные пожитки были не влажными, за исключением толстых швов. Долго и как-то отрешенно, подавая костру калорий, я, не чувствуя рук, надевала все подряд. А потом побрела чуть вглубь леса, чтобы поискать какой-нибудь еды. Растрепанная, с патлами, стоящими дыбом, истарпанная, в синяках, с переломанными ногтями, ресницами, торчащими неестественными черными пучками в разные стороны, я вяляла собой настоящее лесное чудище. Только очень уж тощее. Зато впервые смогла ощутить невесомость собственного тела. Я совершала движения как будто под водой, все они сопровождалось головокружением, легкой тошнотой и чувством, что стоит только подпрыгнуть, ветер подхватит — и ты наконец полетишь.

Меня, кстати, почти перестали жрать комары, что явно говорило об отсутствии питательных элементов в крови. И откуда им, собственно, взяться, если из еды только рыба, да и то съеденная пару раз, и ягода. Если так и дальше пойдет, я просто не смогу переставлять ноги. Враки, что человек может прожить без пищи месяц. В физиологическом смысле — да, дышать он будет, но двигаться, думать и действовать — это вряд ли. Я голодала всего каких-то одиннадцать дней, но похожа стала на оживший персонаж из страшилок для анорексичек, только эти дурочки гробят себя ради мнимой красоты, а я стала заложницей обстоятельств, но оттого чувствовала себя во сто крат хуже.

Но самая черная взвесь легла мне на душу. Если тело можно было вылечить едой, сном и должным уходом, то починить что-то надтреснутое внутри было гораздо сложнее, и я понимала, что это произошло еще задолго до падения вертолета и что собрать себя по частям я должна самостоятельно.

Не знаю, в какой момент все так изменилось. Может, детонатором стало известие об Алкином скором отъезде, а может, неоформившаяся мысль зрела внутри, нарывала и причиняла боль, но я старательно не обращала на нее внимания. А тут просто совпало, и все это гниущее нутро брызнуло наружу. Я почувствовала, как никогда отчетливо и бесповоротно, что не знаю, куда двигаться дальше. Передо мной — а мое второе имя Действие — никогда не стояло такой проблемы: в любые, даже самые непростые времена я точно знала, чего хочу и как могу это заполучить. И вот настал день и час, когда почва ушла из-под ног и все перевернулось с ног на голову.

А в конечном счете, в сухом остатке, что было у меня в действительности? Ради чего я совершала ежедневный подвиг борьбы с ветряными мельницами? Зачем порой вставала против всех и вся, радея за правое дело? В свои скромные годы я достигла потолка, уперлась в него макушкой, да так, что уже болела согнутая шея, и пребывала в такой позе довольно продолжительное время, обманывая саму себя, что все еще расту.

Когда прошлое достаточно отдалилось, выходило, что у меня не было ничего более настоящего, чем два медведя, которые шли со мной рядом и грели ночами не из-за какой-то там корысти, а потому что им тоже нужно было мое тепло.

Впервые за эти одиннадцать дней постоянной борьбы за жизнь у меня возникла мысль, от которой поначалу я вся содрогнулась, а после замерла, как от удара, даже не дыша: а зачем мне вообще возвращаться? К кому? Ради чего? Что ждет меня за каменными стенами моего Города? И буду ли я когда-нибудь счастливее, чем сейчас, когда засыпаю, греясь сердцем о своих медвежат?

Как же страшно осознать эту мысль. Будто рядом ударил колокол в предзнаменовании чего-то неизбежного и ужасного. Как же мы все бесконечно одиноки

в своих уютных маленьких коконах, сколько иллюзий мы носим в карманах, как умело мешаем их ложью и подкармливаем себя — ложка за ложкой, — что расстаться с ними порой подобно смерти.

...В кустах послышался отчетливый рык, я остановилась, уже различая первые рыжие маслятки между мхом, вся напряглась, сама похожая на дикое животное, застигнутое врасплох. Это не медведи, они спят в другой стороне, потому что еще очень рано. Да и звук какой-то иной, для них нехарактерный.

Среди веток сверкнули два желтых глаза, и через секунду на поляне показалась огромная голова. Собака! Нет, это был волк! Полярный волк, какой стоял в одном из залов нашего краеведческого музея. Только, в отличие от того, живой и настоящий. Только этого еще не хватало! Мало мне было россомахи, медведей, один из которых попытался меня убить, реки с водопадом, голода, холодных ночей... Теперь появился хищник, убивающий не только для пропитания, но и ради развлечения. Его размеры не внушали мне оптимизма. К тому же, именно к этой встрече я была не готова даже гипотетически: раньше волки из тундры к морю не выходили, здесь не их ареал обитания, вот и я их не ждала, не задумывалась еще и об этой вероятности...

Он прожигал меня своими безжалостными янтарями и скалился, тихонько рыча. Сердце стукнуло о ребра и замерло. От изумления и неожиданности я забыла, что это такое — дышать. Волк был один — не слышалось приближения его сородичей, — что вообще-то выглядело странно, потому что эти звери всегда держатся стаями. Но в лесах континентальной части Территории, как раз той, где чаще других районов и можно повстречать волков, еще три недели назад стали бушевать пожары, которые никто тушить не торопился, потому что они не угрожали населенным пунктам. Вероятнее всего, волки побежали от огня и дыма на неосвоенную территорию, может быть, здесь подверглись нападению других хищников, или стая раскололась по иным причинам.

И вот теперь хищник стоял напротив меня — огромный, спокойный и непредсказуемо злой. Но то, что когда-то казалось смерти подобным, вдруг превратилось в обыденность. Для меня встречи с опасностью стали такой же рутинной, хоть, конечно, бояться я не перестала.

Сама не знаю, как так вышло, но, все еще не ощущая биения сердца, я медленно опустилась на четвереньки, не спуская с волка глаз. Точнее, смотрела в бело-серую свирепую морщину меж безжалостных светлых глаз. Он зарычал, сделав полшага. Я зарычала в ответ. Не отводи, только не отводи взгляд!

Волк обнажил жемчужные блестящие клыки, кровавые десны, от чего шкура вокруг его глаз и носа собралась гармошкой. Мне крыть было нечем, но сдаваться я не собиралась. В тот миг, непрерывно рыча, я смотрела на него с ненавистью, произнося мысленно каждое слово: «Ты. Тварь. Я. Тебя. Не. Боюсь. И. Перегрызу. Глотку. Если. Ты. Подойдешь».

Зверь на миг отвел глаза, будто что увидел, и я решительно, как была на четвереньках, бросилась вперед, оглашая поляну неистовыми звуками, на которые человек, я бы подумала так пару недель назад, неспособен. Волк такого не ожидал и попятился, скорее от удивления, чем со страху. А потом выражение его морды изменилось. В тот миг я поняла, что за мной стояли медвежата, и хищник, наверняка не раз видевший оленеводов, просто не понял, как такое может быть — звери сражаются против зверей на стороне... человека?!

Он попятился еще и еще, постепенно отступая в кусты, а я все надвигалась, хотя в этом, может быть, уже и не было необходимости, чувствуя, как холка дыбится крупными брусничинами мурашек. В этот момент я действительно была диким

зверем пострашнее любого волка, я стала тем, кто готов рвать зубами плоть любого, представляющего опасность для меня или моих медвежат. Потом я подскочила на ноги, схватила один камень, затем другой и, вопя какие-то ругательства, стала швырять в сторону, где скрылся волк, чтобы закрепить собственное преимущество. Он не вернется. Теперь он один, а мы — стая.

Впервые, наверное, за всю свою жизнь я ощутила доверие — абсолютное доверие к кому-то, кроме мамы. К этим зверям, которые в данную минуту стояли по бокам: справа Малыш, слева Пестун. Я снова опустила на четвереньки, чтобы быть как они. Малыш ткнул меня лбом в ребра, кряхтя, полез под живот, как в пещеру, и встал между моих рук, упершись головенкой в грудную клетку — мой маленький непобедимый защитник. Наверное, именно так он стоял в самом безопасном на свете месте — меж передних лап мамы-медведицы. И кто я, если не смогу защитить его и брата? Какова моя цена, и есть ли она вообще, коли за их потерю я не смогу заплатить всем, что имею?

Я наклонилась и как ребенка поцеловала Малыша в лоб — всего раз, отрывисто и как-то неумело. А он поднял как кутенок свою мохнатую мордашу и лизнул меня в нос длинным розовым шершавым языком, оставив на лице запах молока и щенячества.

Пестун смотрел на нас ничего не выражающим взглядом, но где-то в глубине своей темной медвежьей души он меня окончательно принял этой ночью, когда спас от холода. Он больше не делал вид, что меня не существует, как было поначалу, не ненавидел, что стало так очевидно после смерти его матери, молодой хозяйин тайги признал, что я — часть семьи, а родственников, какими бы они ни были, как известно, не выбирают.

Если бы я могла в тот момент посмотреть на эту ситуацию извне, что бы я увидела? Тощую, похожую на узницу ГУЛАГа человеческую особь женского пола, ползающую на четвереньках с медвежатами. И поверила бы я в то, что эта женщина каких-то две недели назад была на приеме у известного и дорогого в Городе косметолога и была озбочена преимуществами одной базы для нанесения геля-лака над другой, а потом заказывала в интернет-магазине духи стоимостью в среднемесячную зарплату за флакон? Определенно, нет.

Я родилась заново. Но только теперь это была подлинная я, которая не вышла бы замуж — за удобного, а не за любимого. Теперь меня уже ничто не способно было сломить или сбить с толку. Именно в тот момент, когда одни когтистые медвежьи лапы игриво царапали меня, а другой медведь ловил рыбу в реке, я осознала, что мы все мертвы до тех пор, пока не случится нечто, что откроет нам глаза, нет, даже распахнет, разрежет слипшиеся веки, и мы сможем не просто смотреть, а отчетливо разглядеть себя в этом мире.

Сейчас прямо на поляне мне показали сценки в миниатюре, я припомнила всю свою жизнь в цепочке ярчайших фрагментов — один за другим они возникали передо мной, будто актеры-карлики разыгрывали свои представления на утеху толпе. И отчетливо, как никогда прежде, презирала себя за прожитое, за ту пустоту и праздность, которой были наполнена моя прежняя жизнь.

Только теперь, очистив сознание от шелухи, я увидела, сколько времени все мы тратим на никчемные мысли и идеи, которые занимают нас годами. В обыденной жизни мы думаем о еде, сексе, симпатиях и антипатиях, о нереализованных амбициях и чужих успехах. И никогда о том, о чем стоило бы: зачем мы здесь, для чего, как надолго, и действительно ли выполняем какую-то миссию, играем каждый свою незаменимо главную роль или просто прожигаем дни, шагая от колыбели к гробу.

Почему это во всей простоте и ясности открылось мне только сейчас, почему нужны были такие чудовищные обстоятельства, чтобы я поняла эти простые ис-

тины. Почему, для чего именно я, Аня Малинина, должна пройти через ад, чтобы осознать, что жила неправильно, не в пол- и даже не в четверть силы? А если я не выживу, тогда ведь это все вообще не имеет смысла. Или на пороге смерти каждый проходит через подобное прозрение? Все это значит лишь одно: скоро мне на небеса?

Мне стало ябно и как-то безразлично. Что в конечном итоге ждет меня на финише, если я до него доберусь? К кому и к чему, в сущности, я так рвусь из этих распадков между сопками? К монотонной жизни, однообразному и бесперспективному делу? В кабинет, где на меня снисходительно станут взирать потухший Алкин монитор? К пустой постели, которая выстыла от одиноких ночей?

Хочется верить, что мы рождены для чего-то значительного и важного. Но многие очень скоро перестают слышать Вселенную, и она замолкает. Вселенная — самый терпеливый и чуткий учитель, она дает уроки лишь тем, кто готов их воспринимать и извлекать пользу. Буду честна перед самой собой. Единственный человек, кого я всегда безоговорочно слушала, была я сама. И это никто другой, а я решила сесть в вертолет. Я и только я. А значит, это и есть новый урок, выучив который я пойду дальше. Если не усвою — буду спускаться по спирали, на нижние уровни, которые давно прошла. И по всему выходит, что мои нынешние сорок пять минут наедине со Вселенной еще не истекли.

А раз так — не жалуйся, сцепи зубы, действуй. И отбрось сомнения. Их нет. Есть этот лес, эти грибы, эти медведи. Есть море за тремя горами, там волны лижут камни, там холоднее, но ближе к дому. Ничего не бойся и просто иди.

Мне стало так легко, так привольно, как в сладком сахарно-солнечном детстве, как в лучшей на земле приключенческой истории, в конце которой обязательно будет счастливый финал.

Глядя, как мои ворчуны шарахаются по лесу, внюхиваясь во все и вся — ни дать, ни взять собаки, — я стала аккуратно рвать грибы, стараясь не повредить грибницу. В основном попадались маслята с рыжими и темно-коричневыми шляпками, было и несколько сыроежек.

Когда улов составил пищевой пакет — на вес килограмма два — я вернулась к тлеющим углям, вырыла ямку в земле, застелила ее вторым пищевым пакетом, натаскала воды из реки и принялась чистить то, что насобирала. Пока орудовала щепкой, все размышляла, как лучше их приготовить, чтобы, не приведи господь, не отравиться. Вернее всего, надо прокипятить их партиями в консервной банке, хоть на это уйдет порядочно времени и будет испытана прочность металла.

Да, настоящим кошмаром для меня являлась мысль, что моя спасительная банка рано или поздно прогорит и станет непригодной не только и не столько для кипячения воды, как для хранения и транспортировки углей. Я знала еще один способ, он состоял в том, что огниво можно нести, закутав в древесную кору, но на практике мне ни разу не доводилось его испытать. Впрочем, я никогда не использовала банку только как единственный предмет кухонной утвари, так что же? Теперь вот приспособилась.

Варить грибы пришлось несколько часов кряду. За этим занятием я отвлеклась от главной цели и, только приступив к трапезе, поняла, что вновь стала оттягивать момент, когда придется трогаться в путь. Я боялась, что дальше меня подстережет то, что лишит последних сил, что я не смогу превозмочь очередное испытание. Вообще голодание и изматывающие переходы истощили все мои внутренние ресурсы, и нервы стали ни к черту, еще и благодаря постоянной настороженности: вдруг то, вдруг это...

На каких резервах организма я держалась, было совершенно непонятно. Я бы, честно говоря, не поверила в такую историю, расскажи ее кто-нибудь мне, журналисту. Мы вообще люди недоверчивые, потому что «писака» не может слепо верить чьему-то рассказу, он должен сомневаться и по сто раз перепроверять каждый факт.

И как мучительно сложно на фоне моих сомнений и вопреки желаниям начать двигаться дальше. В моем рюкзаке оставалось все меньше и меньше предметов — часть утратили пригодность благодаря медведям, кое-что я потеряла за дни своих скитаний.

...Одиннадцатый день упорно стремился к вечеру, когда я пошла вдоль подножья очередного хребта, надеясь, что смогу обогнуть его по низине. Дело в том, что медведи хорошо идут вверх, но спуски даются им гораздо тяжелее. Я не могла не учитывать этого, потому что теперь шла не одна. Тем паче, ходьба без дополнительных нагрузок в виде изнурительных карабканий была сейчас моим спасением, ведь я утратила выносливость, в которой была уверена в самые напряженные моменты жизни. Я боялась, что, когда, как говорят боксеры, закончится бензин, никакая сила воли меня не поднимет и не заставит переставлять ноги.

Для дополнительной поддержки я вооружилась двумя примерно равными по весу и длине палками и с их помощью двигалась чуть западнее, чем мне было нужно, но надеялась, что это только пока. И если горный ландшафт был более скудным, то внизу меня ждали препятствия в виде кустов, высокой травы, непролазных болот. Все это тоже приходилось огибать и тратить драгоценные часы, фактически топчась на месте.

Не знаю, сколько мне удалось покрыть километров, но, когда на небе зажглась первая звезда, вокруг будто бы ничего и не изменилось. На фоне очередной волны усталости меня вдруг охватила тоска в этом поле, на которое я вышла пару часов ранее. На автомате брела, выискивая кочки, чтобы не наступить в болото. Невдалеке тек совсем крошечный ручеек, но его было достаточно. Хуже дело обстояло с сухими дровами для костра. Оттуда, где было в избытке, тащить ветки я не стала, а теперь нужно было крутиться, чтобы собрать хоть сколько-нибудь сухостоя. Луна уже стояла в полнеба, да я уже привыкла к темноте, к ночным звукам, к запахам, к звездам, к кочевью. Смешно: в том, что медленно, по капле раньше меня убивало, я начала видеть столько романтики, столько жизни, что могла бесконечно черпать отсюда душевные силы.

Все время перехода медведи были где-то в зоне видимости, и даже когда их теряла, я была уверена, что они меня нагонят. Зверям нужно было что-то есть, поэтому я не ограничивала их свободу, хотя могла подозревать их, как сделала пару раз на пробу, и они подходили.

Наверное, именно эта ночевка была самой романтической. Я отыскала старое поваленное дерево, соорудила нечто, похожее на пионерский костер, повозилась с огнем, к чему уже успела привыкнуть и не пугаться, когда не удавалось разжечь его быстро. После того как медвежата уселись невдалеке, привалившись спинами к лежащему на болотных кочках и трухлявых пнях стволу, как две разные по размеру плюшевые игрушки, и усталились своими черными выпуклыми бусинами на пламя, я отошла метров на десять-пятнадцать, чтобы со стороны обозреть нашу стоянку.

Луна в ту ночь действительно была роскошной, бело-желтой с серыми пятнами. В окружении звезд она стояла на черном масляном полотне королевы среди придворных дам, которые бережно и с пиететом несли ее длинную мантию — Млечный Путь. Вдали полумесяцами обрисовывались тупые сопки, за которыми высились островерхие. Они виднелись в восточной стороне, а мне нужно было на юг, отчего я могла себе позволить просто наслаждаться ими без примеси беспокойства: мне и не нужно будет их штурмовать.

Где-то там, на линии горизонта, звезды, как бриллианты, хаотично рассыпанные на темном бархате космоса, закатывались за мрачные пики. В ореоле оранжевых сполохов высокого напористого пламени виднелись лишь примятая трава и два

мягких неподвижных силуэта. И будто больше ничего не было, даже меня. Будто я смотрела на все это, как на полотно великого мастера, или наблюдала, летя по воздуху бесплотным духом, затерявшимся в пространстве и времени. И даже ветер казался каким-то ненастоящим, нарочно придуманным специально для этого красивого момента.

И тогда на меня подобно лавине обрушилось чувство, горько-сладкое, не приторное и тягучее, какое-то золотисто-медовое и невероятно теплое, что я — ни много ни мало — центр Мироздания, та, для которой, в сущности, и были созданы этот пейзаж и этот момент. И эти дикие животные тоже были только для меня, только для моей и больше ничьей истории.

И самым странным на этом фоне стало умозаключение: нигде я не чувствовала себя более не самой собой, чем в безликой серой человеческой массе. И еще ни разу в жизни — только в это мгновение — я не ощущала себя более наполненной — мудростью, силой, желанием жить. На меня снизошло какое-то иррациональное счастье именно здесь, в абсолютном безлюдье, в уединении, на грани жизни и смерти, в компании двух полуголодных медведей, с которыми делила все, что имела.

Я перешла какую-то грань. Я очистилась. Если ты засорен, замусорен, погребен под мелочными страстишками, дурными помыслами, негативными эмоциями и злыми желаниями, зачем тебе здоровые почки и сердце? Ведь вскоре недуги вернуться, потому что больны мы от своих мыслей гораздо больше, чем от некачественного ужина или загазованной атмосферы.

Наверное, так люди ищут уединения в Тибете, чтобы, познав покой, найти путь к себе. Я его не искала. Во всяком случае, осознанно — нет. Кто-то там, наверху, решил, что пора. Не знаю зачем, — зачем-то. Но факт остается фактом: пройдя через странное, страшное, во многом необъяснимое, местами нереальное, я наконец расслышала себя. То, что когда-то было во мне робким шепотом, заговорило в голос, разрушая стены из всякого хлама, его заглушавшего.

Может быть, кому-то требуются годы на познание себя. Я же прошла экспресс-курс. Я поняла: что бы ни случилось, никогда не пожалею об этих днях, даже если дальше станет только хуже, потому что я обрела себя и в себе обрела Вселенную. А с таким кладом разве смогу я когда-нибудь стать одинокой — в толпе или в тайге?

...Мое место ждало меня между двумя зверями, и я заняла его, предварительно вынув из рюкзака два пакета, один с сырыми грибами, второй с вареными. Первые стала делить между медведями, что было непросто, ведь они тыкались мордами мне в ладони, съедая угощение раньше, чем я успевала определить, кому оно предназначалось. Попеременно я и сама проглатывала грибы — несоленые, склизкие, но все-таки питательные, это гораздо лучше, чем ничего не есть. Слыша, как чья-то наглая морда рыщет в моем пакете, где оставалось еще немного грибов, я не могла разомкнуть тяжелые веки, не жалея о том, что на завтра ничего из еды не осталось. Я вообще перестала сожалеть о пережитом.

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Уже привычно я проснулась от пронизывающего озноба и ломоты в спине. Еще сильно свело сразу обе ноги, до боли. Но терпеть было можно. А вот дышать — практически нет. Приоткрыв один глаз, я обозрела низкий туман, опустившийся марлей на долину, траву, всю в росе, и Малыша, который, абсолютно разомлев во сне, лежал поверх меня как плед: растопырив лапы, даже пупочка хвоста как-то

подрасплылась. Как же ему было покойно, мирно и тепло. Там, где соприкасались наши тела, мне тоже, но мои руки-ноги все же онемели от холода.

Пестуна нигде не было видно. Скорее всего, он ушел добывать пропитание: вообще-то медведи — ночные животные, но для меня им пришлось сделать исключение и жить по человеческому графику. Обычно косолапые спят днем, просыпаются под вечер и колобродят до рассвета. Но, поскольку весь день я находилась в движении, им приходилось менять привычки еще и потому, что молодые особи гораздо более подвижны и не могут дремать столько же, сколько взрослые.

Мне чертовски не хотелось тревожить маленького, уж очень он сладко спал, но если и дальше не шевелиться, то можно уже настраиваться на ампутацию конечностей, так было холодно. Аккуратненько сняв мишку со своей груди, я уложила его на свое место. Поворочавшись, он сунул костяшку моего среднего пальца себе в пасть, прикусил ее, пососал, почмокал мягкими губами, выдохнул и угомонился. Я же тихонько встала, подбросила дров огню и принялась обдумывать дальнейший маршрут.

Мне следовало взять чуть правее, перебраться через ручеек, болото, прижаться к горной гряде и следовать четко по линии подъема. Если выйти примерно через час и двигаться с минимальными остановками весь день, к вечеру я должна оказаться на полпути к морю. А это значит, что уже завтра я его наконец увижу. Даст бог.

Что дальше? На этот вопрос у меня не было никакого ответа. Собственно, выход к воде еще не означал скорейшего спасения, потому что по берегу придется идти неизвестное количество километров, а он не всегда просто галечный. Чаще всего там отвесные скалы, прижимы, которые понизу можно преодолеть только по малой воде и то далеко не всегда. Так что легко не будет. Но сам факт, что я доберусь до моря, уже можно считать огромной победой, потому что сейчас на реках и побережье Территории в разгаре лососевая путина, значит рано или поздно я встречу людей. Людей... Других людей...

Пестуна так и не было видно, хоть я закончила скромные утренние процедуры, даже голову вымыла, что сейчас не представляло такой уж проблемы, нагрела целый термос кипятка, высыпала туда собранные накануне травы, а старший все не появлялся. Раньше он так не делал.

Беспокойство цапануло ржавым гвоздем. Я не могу его потерять. Нет. Об этом даже думать жутко. Обретенное доселе космическое равновесие треснуло и облетело, обдавая душу острым крошевом. Я могу выдержать все что угодно. Но только если они будут рядом, если мне будет, ради кого совершать этот ежечасный, ежеминутный подвиг. Господи, не забирай его! Ты и так отнял у меня практически все, оставив самую малость.

Не в силах мыслить разумно, я заметалась по полю, даже не пытаюсь искать следы, что в болотистой местности и так было сделать непросто. Но когда поняла, что затаптываю те, что еще могла хранить трава и дерн, всмотрелась и обнаружила-таки, не без огромного труда, и следы старшего медвежонка. Они вели на запад, к перелеску. Там пели птицы и все дышало покоем и безмолвием. Если Пестик и был здесь, то какое-то время назад.

Поднятый моими метаниями Малыш теперь семенял за мной, поэтому приходилось между поисками очередного свидетельства, что старшенький проходил именно в этом месте, приглядывать за младшим. Прошло не меньше полутора часов, я удалилась от костра не менее чем на три километра, прежде чем до ушей моих донесся неясный звук: то ли ветра стон, то ли зверя.

Место было абсолютно глухое, кустистое, поросшее высокой травой, труднопроходимое из-за поваленных трухлявых деревьев. Хоть и шла на звук, я не сразу увидела его. Выбившийся из сил, Пестун лежал на спине, слабо выл и по-

хрипывал. Его задняя лапа застряла между поросших мхом камней, которые были исцарапаны его когтями.

Увидев меня, мишка вздохнул, как человек, который не чаял уже дожидаться подмоги. А на морде его явственно виднелись влажные непросохшие дорожки. Несмотря на рост и вес, он все еще был кутенком, несамостоятельным, надеющимся на мать, которая разлагалась где-то к северу отсюда. Но по большому счету он верил в меня — живую, маленькую, ту, которая ему досталась вместо кровной, такую уж, какая есть.

Я никогда не была сильна в физике, хуже дело обстоит только с химией. Но даже мне стало очевидно, что придется применить принцип рычага. Ведь если медведь, силы в котором на порядок больше, чем во мне, не смог поднять камень и освободиться, мне моими тростинками даже пытаться не стоит.

Рычаг, рычаг... Пока я озиралась в поисках крепкой палки, Малыш залез на Пестуна и стал вылизывать его морду. Никогда раньше я не видела проявления каких-то чувств между этими двумя. Они могли играть вместе, драться, идти друг за другом и даже спать вместе, по обе от меня стороны, но ни разу еще они не демонстрировали любви.

Мне некогда было отвлекаться на сантименты, хоть что-то внутри екнуло и засело корявой занозой. Все палки, что выискивались, были либо трухлявыми, либо короткими, либо очень тяжелыми. Я примеряла то ту, то эту, но понимала, что лишь зря потрачу последние силы.

Искомый инструмент обнаружился достаточно далеко, когда лес сменился тундряком — примерно в километре от места происшествия. Палка была достаточно короткой и толстой, заостренной с одного конца, как раз для того, чтобы ее можно было просунуть в щель и, не цепляя медвежьей лапу, приподнять камень.

Казалось, обратно со своей добычей я шла целую вечность. Было тяжело, не скрою, но головокружение, сухость во рту, разбитые, окровавленные ступни и головная боль со звоном в ушах, создающим время от времени слуховые галлюцинации, терзали гораздо сильнее. Я не могла четко следовать заданной траектории, меня шатало, мотало из стороны в сторону, но я упорно переставляла свое оружие, которое, в сущности, служило опорой.

Чу, кричала птица, а мне слышалась целая фраза из песни, музыкальный фрагмент или обрывок реплики, вынырнувшей из подвалов памяти. Так я какое-то время брела под первую часть «Весны» Вивальди, которую неожиданно сменила «When you came into my life» «скорпов», подхватила «Богемская рапсодия», где Меркьюри взывал к маме, а после я явственно, будто он стоял за деревом, услышала голос того, о ком мне до сих пор было так больно вспоминать. Он шептал листьями: «Не делай эту ошибку, Нюся». И по моей спине пробежала дрожь. Только он называл меня Нюсей. Только он...

Солнце раззадорилось в полную мощь, но не прошивало лучами чашобу, там по-прежнему было прохладно и сумрачно. Пестун, уставший сопротивляться обстоятельствам, намучивший лапу, просто лежал полубоком, позволяя Малышу делать все, что только приходило тому в детскую голову.

Как только я приблизилась, он беспокойно заворочался, не понимая, что я собираюсь делать, и, очевидно, опасаясь неминуемой боли. Я тоже не знала, чем закончится это предприятие, но надеялась, как обычно, на лучшее. Что бы ни случилось, я не могла его оставить, это ни разу даже не мелькнуло в моем мозгу.

Острый конец удалось просунуть между камнями далеко не с первого раза. Делая эти манипуляции в непосредственной близости от взволнованного, тяжело дышащего зверя, я остерегалась его реакции. Каким бы умным мишка ни был, это все-таки не человек и вряд ли он понимал, что если я и делаю ему больно, то не со

зла и не надо за это рвать меня на части. Еще одна проблема состояла в том, что, если палка обломится, больше не будет места, чтобы просунуть другую.

Удивляясь, хоть это было и очевидно, насколько ослабела, я проталкивала шероховатый ствол все глубже под камень, пока никак не трогая медведя. Он внимательно смотрел на меня, совершенно по-человечьи, только когти на мощных передних лапах то и дело приходили в движение и вцеплялись в ошметный валун, на котором он и лежал. Примерно так коты делают «молочную дорожку», то есть топчутся на чем-то мягком, попеременно то впиваясь когтями, то ослабляя натиск. Это говорило, насколько он нервничает, как ему сейчас больно и беспокойно.

Стараясь не визуализировать навязчивую мысль, что эти длиннющие когти с легкостью вспорют меня от шеи до копчика в любую секунду, я повисла на торчащей палке, но ничего не произошло. Камень даже не дрогнул. Во мне явно не хватало веса.

Благо, я догадалась пойти с рюкзаком, поэтому, оглядевшись, стала набирать в него булыжники, да так увлеклась, что с трудом приподняла заплечный мешок, вздувшийся, как живот от газов. Пришлось затащить его на возвышенность, подсесть, быстренько просунуть руки в лямки. Сложнее оказалось встать. Колени плясали «кукареллу», но ничего не происходило. Памятуя, как делала когда-то жим ногами с весом платформы в девяносто пять килограммов, я еле распрямилась, задействовав мышцы спины да, кажется, вообще все, что остались на костях.

Нужно было пройти всего пять шагов, но они оказались невыносимо трудными. Я боялась упасть и не подняться, так тяжело было передвигаться с весом примерно в пятнадцать килограммов. Раньше я поднимала такой блин одной рукой и спокойно несла до грифа, теперь же была чуть жива: сердце колотилось, пот крупными каплями тек по лицу, попадая в глаза и выжигая слизистую, одышка не давала выровнять дыхание, а головокружение оказалось такой силы, что вот-вот и меня разобьет инсульт. Но, глядя в беспомощные медвежьи глаза и слыша, что Малыш трусит следом, я просто не имела права сдаваться.

Шаг. Еще один. Нет, нет, стой, не падай! Уфф, на месте. Теперь нужно было вытянуть руки и просто повиснуть на торчащей вбок палке.

— Слушай меня, — я говорила спокойно прямо в медвежью морду, но не узнавала этот скрипучий чужой голос. И кого, спрашивается, я хотела им успокоить? — Я сейчас повисну, камень сдвинется, и ты выгацишь лапу. Понял?

Медведь бурвил меня глазами, в которых стояли слезы. Ему было очень больно и очень страшно. Но он терпел, давно уже не издавая ни звука, только все сильнее впивался в свой валун длинными когтями и тяжело вздыхал.

Стоять больше не было мощи. Или делать, или... Я вцепилась в палку голыми руками и тут же почувствовала непомерно большой вес, кожу стало жечь, в нее вперились десятки острых заноз. Камень едва шевельнулся. Пестун взревел, а я поджала ноги, потянув рычаг на себя изо всех своих хилых силенок. Видеть происходящее уже не могла, так как задрала голову в небо и сама заорала от натуги. Медведь издал рев неимоверной мощности, палка моя поехала вбок, и я грохнулась на больное правое плечо, взыв ничуть не слабее, чем несчастный Пестик.

Когда пришла в себя, первое, что я увидела, смаргивая слезы, были две медвежьи морды, озабоченно заглядывающие в мое лицо. Господи боже, удалось! Камень сошел со своей оси, щель стала гораздо шире. Палка валялась около меня, у рюкзака пошли по швам лямки, но мои медведи были живы-здоровы, и оба свободно передвигались.

Я выложила все камни до одного, поднялась не без труда, понимая, что опять не владею правой рукой, и только после этого оценила, насколько сильно хромает Пестик, а точнее, вообще не встает на правую заднюю лапу. Судя по неестественно-

му изгибу, она была сломана со смещением. Только этого еще не хватало! В дикой природе и здорового косолапого на каждом шагу ждали смертельные опасности, а больной, неспособный к охоте — прямой кандидат на медвежьи небеса. Ну почему, почему случилось еще и это?!

До костра — а я совсем забыла, что оставила огонь на много часов, поэтому он вполне мог уже затухнуть — мы добрались глубокой ночью. Пестун шел очень медленно, периодически взрыкивал и останавливался, вылизывал лапу, после чего издавал странные рычаще-скулящие звуки и снова шел, вернее понуро плелся. Было ясно, он лег бы с огромным удовольствием, но то, что мы с Малышом не останавливались, заставляло и его продолжать путь. Он был членом семьи и считался с этим.

Угли в костре еще тлели, едва-едва отдавая тепло страницам «Территории». Пламя лизало их с такой же жадностью, какая одолевала меня во время чтения. Вскоре огонь горел в полную силу, а я ощущала невероятную усталость и изнеможение. День позади. Я не прошла и метра, планы относительно долгожданной встречи с морем вновь отодвинулись на неопределенный срок.

Потрачено много энергии, и что в остатке? Одна поломанная лапа, одна израненная рука, саднящие ладони, большая спина, кровоточащие ступни, три голодных желудка. Малыш сильно похудел без молока, это было видно невооруженным глазом, даже не стоило щупать его бока, прикрытые сбитенькой шерсткой. Теперь, когда Пестун неспособен к охоте, как мне добывать пропитание на нас троих?

Решение одно: нужно выправить перелом и как-то зафиксировать кости, чтобы они срослись и не причиняли на каждом шагу медведю сильной боли. Он должен идти с такой же скоростью, как и я. Придет тот час, когда я не буду в состоянии сделать и шага, но это должно произойти, когда мы набредем на людей, на какое-то средство связи, на что угодно. А до этого придется идти, как бы ни было невыносимо тяжело. Мне и ему.

Впервые за все дни меня одолела бессонница. Хоть спать было нельзя, потому что мне предстояла травматологическая операция, я понимала, что и не смогла бы. Организм наконец дошел до той стадии истощения — физического и морального, — за которым начнутся необратимые процессы. Перестану спать, потом наступит апатия, авитаминоз принесет целый букет заболеваний, и в конечном итоге в одно прекрасное утро я не проснусь. Мне нужно, нужно идти дальше! Я так бездарно потратила сегодняшний день и силы, пусть не по своей вине, но потратила. Протопталась на пустом месте, таскала тяжести, сжигая и без того незначительный запас жизненной энергии. А теперь сижу посреди этих падающих звезд под бескрайним небом и решаю задачку посложнее тех, за которые раздают Нобелевские премии: как без знаний, навыков и достаточных сил выправить переломанную медвежью лапу?

Судя по всему, шанс сделать это у меня, как обычно, будет только один. И это при том, что я могу лишь догадываться, как поведет себя хищник, когда проснется от адской боли, а я стану обматывать его конечность, цеплять к ней деревяшки. Затея, безусловно, бредовая, но зачем тогда вообще было его спасать, если завтра он окажется ни на что не годным, и мне придется сидеть рядом с ним, потому что забрать Малыша и уйти, оставив Пестика смотреть нам вслед, я не могу даже в кошмарном сне.

Чтобы поскорее усыпить голодное семейство, я, как обычно, улеглась между ними. Малышок не успел прижаться ко мне мохнатым хребетком, как тут же мерно засопел, смешно подергивая лапками, наподобие собаки после длительной прогулки. А вот старший, я это чувствовала, долго не мог успокоиться: его терзала сильная боль и неизвестно что еще, вот сон и не приходил. Мне нужно было готовиться, но я не решалась начать, покуда он не уснет.

Эти часа полтора стали невероятно томительными и долгими. Грея ноги от костра, руки о медвежонка, я прислонилась макушкой к могучей спине Пестуна, вслушиваясь, когда же дыхание станет мерным и глубоким. По ходу течения времени вспоминала пережитое, перед глазами мелькали кочки, мхи, грибы, ветки, листья, ягоды, лапы, собственные, обутые в тесные туристботы ноги, бескрайнее небо, разрытованное муаром из облаков. Но ни разу за это время не вспоминала то, что было до катастрофы. Сейчас я могла поклясться, что прошлого в Городе не было вовсе, что я всегда принадлежала этим сопкам и речкам, этим бурям зверям и рождена была не человеком, а матерью-медведицей.

Час мой настал. Он пробил. Я потихоньку села, удостоверившись, что все тихо и мирно. Теперь мои взор и слух были острее, проснулись инстинкты, несмотря на заторможенность, вызванную усталостью и голодом. Я слышала песню ночного ветра меж далеких сопок, шепуршание мышей-полевок в траве, торопливую беготню какого-то более крупного грызуна, редкие пересмешки воронов и уханье совы. А видела даже то, чего не могла: воображение подсовывало в замерших у ручья кустах сплетенные тела влюбленных, расположившихся для ночных утех у воды, застывшую фигуру прицеливающегося охотника или застигнутого в прыжке зайца, узнавала с детства знакомую песню, которой мама укладывала меня спать. Все вокруг жило и дышало в унисон со мной, моими мыслями и воспоминаниями.

Камень подходящего размера нашелся недалеко в поле между двумя поросшими травой кочками. Он был крупным и невероятно тяжелым, но я, взвалив его на живот против всех правил легкой атлетики, в несколько больших шагов дотащила ношу до медвежьей лежки и удалилась за частями будущей шины. Необходимо было найти две плоские деревяшки или таких же камня. Это стало трудноразрешимой задачей.

С ветками подходящей конфигурации было совсем худо, а вот камни — плоские и достаточно длинные, — нашлись в течение часа. Я удалилась от лагеря за пределы видимости и, только неся нужное, поймала себя на мысли, что совершенно перестала бояться лазать ночью по лесу. Я вообще теперь мало что воспринимала с позиции страха. Дискомфорт, голод, холод, боль, лишения, злость, ярость, отчаяние, но не страх.

Мишкам, развалившимся у костра, было в эту минуту гораздо лучше, чем мне — тепло в объятиях простых, безыскусных звериных снов и совсем не тревожно, ведь я, их «мамка», была рядом. А что же я? Сейчас подставлю камень под лапу и сделаю кое-кому очень больно, хоть это последнее, чего мне хочется.

Нужно было продумать и вариант защиты. Почему-то, чем ближе я была к задуманному, тем отчетливее видела, как Пестун раздирает меня когтями спросонья, и уже никому ничем тут не помочь. Особенно мне, обагряющей кровью сочную зелень разнотравья.

Оставался единственный вариант: я напихала полный рюкзак тонких ломаных веток и сухостоя, а после повесила его себе на грудь. Это была, конечно, дурь несусветная, но так мне стало немного спокойнее.

Пестун даже похрапывал. Не знала, что медведи так умеют. Наконец-то его отпустили тяготы дня, молодой организм погрузился в лечебные сновидения. Лапа сильно распухла. Строение конечностей хищника во многом походит на человеческое. Медведи тоже при ходьбе опираются на стопу, как и мы, в отличие от того же волка, который идет на пальцах.

Так вот, при довольно беглом осмотре, ощупав здоровую медвежью лапу, свою ногу и потом аккуратно приступив к больной, я сделала вывод, что у него поврежден сустав, он вышел из сумки. Я, конечно, тот еще травматолог, но это понять было несложно. Оставалось самое трудное: положить лапу на камень и вправить — быстро, точно и решительно. Параллельно с этим я приготовила два

плоских камня и свою футболку, поверх которой решила обвить жалкие остатки веревки, не задействованные в строительстве развалившегося плота.

У меня еще никогда так сильно не дрожали руки. Я вся была как виброгрохот и могла просеивать золотой песок. Глядя на лапу, распухшую, кривую, горячую и пульсирующую, я чувствовала себя настоящим доктором, делающим больно во имя выздоровления. Только мой пациент был крайне опасен.

Рюкзак висел на груди как щит, руки сковало от напряжения, взгляд решительно устремлен перед собой в густоту сумерек. Я подоткнула камень под лапу, от чего Пестун заворочался. Испугавшись, что он проснется и испортит мне процедуру, я притихла. Но все осталось покойно. Итак, камень лежал на своем месте, лапа поверх, я нависла в позе горгульи. От нервов и безвыходности сложившейся ситуации у меня потекли слезы, вновь сработал эффект пароварки: пар снизил избыточное давление, мне полегчало, разум прояснился и я поняла, что пора.

Крак, сказала лапа, резко дернутая вбок, то есть вниз. Пестун заревел и подскочил с горящими как у дьявола глазами. Даже толком не проснувшись, он махнул раз, потом еще, но я успела отскочить. И тут же поняла, как сплупила: из-за костра он видел лишь силуэт и не мог понять, я это или какой-нибудь внезапно подкравшийся враг.

Еще взмах, и я практически оказалась в огне. Он подскочил с рыком и огромным, очевидным желанием растерзать обидчика. Споткнувшись и вопя во всю глотку, я повалилась на спину. В тот же миг его лапа с длиннющими черными когтями пронеслась в каких-то миллиметрах от меня, полоснув по рюкзаку. Я все-таки оказалась права.

— Пестик, уймись! — заорала я ему в морду. Где-то сбоку, прямо как в тот самый раз, когда погибала мама-медведица, выл на одной ноте Малыш. И в этом высоком неровном звуке слышалось столько ужаса, отчаяния и горя, что мы оба вмиг отрезвели.

Все еще не уняв дрожь, я смотрела хищнику прямо в глаза и потихоньку вставала. Он отступал, уверенно опираясь на все четыре лапы.

— Ну-ка пошел на место! — грозно молвила, указывая Пестуну рукой на примятую траву. Малыш, сидя на своем месте, все еще подвывал, тихонько, с почти человеческими всхлипами, которые перемежались каким-то щенячьим поскуливанием. — Быстро!

Старший, видимо, понял, что натворил. Он нехотя отправился назад, крутанулся разок, выбирая, как бы поудобнее лечь, и уместился с тяжелым вздохом, для порядка лизнув большую лапу и, очевидно, больше не испытывая сильных физических мук. Я незамедлительно пошла следом, подняв с травы камни, футболку и веревку. Он исподлобья наблюдал за каждым движением и, когда я вновь потянулась к нему, беззлобно зарычал.

— Давай сюда! Надо наложить повязку. Давай! — Я тянула руку, но не касалась, глядя ему прямо в глаза. Мне было важно, чтобы он согласился. А значит, и понял.

Через несколько минут дело было сделано. Лапа медведя стала похожа на какой-то странный кокон, но то, как я ее закрепила, мне понравилось. Безусловно, прикосновения не были безболезненны, но это не шло ни в какое сравнение с тем, с чего мы начали.

Малыш все это время сидел рядом со мной и смотрел, что же происходит. Только когда я закончила и подкинула дров в костер, он осмелился подойти вплотную. Я взяла его на руки, ощущая, как он дрожит. Мишулик зарылся в мою подмышку и задышал тяжело и горестно, как будто я его наругала или, не приведи господь, шлепнула, а он все равно льнет, потому что больше не к кому.

Сколько хозяев истязают своих животных, пользуясь их безграничной любовью и преданностью. Какое же надо иметь сердце, чтобы нарочно, просто так причинить боль

тому, кто так любит. Нет, его нужно не иметь вовсе. Я хотела отдать им все, но у меня ничего не было. У них тоже, но они давали то, что имели — самих себя, свое доверие и дружбу, свое тепло. Мы были такими нищими и голодными, но такими богатыми в то мгновение: три зверя в дикой природе, которые помогают друг другу выжить.

Я плакала, тихо-тихо роняла слезы на темно-коричневую шубку. А Пестун смотрел на меня из темноты глазами, отражающими огонь и что-то еще, гораздо ярче и жарче огня. Малыш уже спал. Стараясь его не тревожить, я привалилась к старшему. Он не возражал. Он вообще не шевелился, будто тоже боялся спугнуть короткий миг покоя и единения.

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

Солнце стояло совсем высоко, выпуская теплых озорных зайчиков, чтобы разбудить всяких сонь. Так странно, но для меня больше не существовало слова «неудобно». Раньше я жаловалась на подушки в гостиницах, у меня от них шея болела. Ха-ха. Теперь ныло и стеноло все тело, но жалобы на ум не приходили.

Поляна была пуста — никогошеньки. Но я не боялась, потому что знала, медведи где-то рядом пытаются найти еду. Звать не стала, были свои дела — помыться, накипятить воды, предварительно взбодрив костер. Сегодня — в путь, и никак иначе. И так дрыхла nepозволительно долго.

Я запомнила это утро еще и потому, что, кроме чувства голода, утратила остроту зрения. Я, конечно, видела, но вдали все плыло, чего раньше за глазами моими не водилось. А чему тут удивляться, обессиленный организм начал отключать функции, чтобы продолжать существование.

Медвежата обнаружили на другом конце поля и то лишь потому, что в высокой траве замельтешил Малыш, услышав мой голос. Приблизившись, узрела, как Пестун жадно жрал чью-то окровавленную тушу. Кишки, еще какие-то внутренности, мех, обгаренный алым, конечности — все валялось в разных сторонах.

Пестун, казалось, не обращал ни на что внимания. Но как только я подошла достаточно близко, отнял пахнущую сырой плотью и всю в бурых пятнах морду от кровавого месива, повернулся, сладострастно облизываясь, и посмотрел как-то долго и неопределенно. Он был настоящим зверем, кровожадным и беспощадным и мог с такой же легкостью в любой момент изорвать меня, выпустить кишки и сожрать всю, до косточек.

Оторвав от меня взгляд, хищник отошел, приглашая к столу. Определенно, это было так. Он находился рядом, смотрел мне в лицо, но больше не приближался к растерзанной туше. И Малыш еще не съел и кусочка, ему было не положено лезть впереди других членов стаи.

Осторожно, будто ступая по болоту, я приблизилась к добыче, протянула руку и взяла оторванную голяшку почти без присутствия меха. Мне хватит. Пусть едят остальное. Они гораздо крупнее меня, им нужно больше сил и питания.

Я подпихнула Малыша к еде. Пестун не возражал. Он насытился. Вернее, заморил червячка и был готов делиться. То, что он дал мне возможность взять толику, было таким потрясающим, хоть раньше медведи уже делились со мной рыбой, но ее было гораздо больше, и добыть лосося в реке было не то же самое, что зверя в тайге. Это во сто крат повышало ценность дара. И я была тронута до слез.

Вернувшись к костру, застала тлеющие угли. Раздула их и принялась запекать мясо, даже не веря, что чувствую его запах, что он мне не чудится. Маникюрными ножницами я сделала продольные, а затем и поперечные надрезы наподобие сетки, чтобы пропечь ножку до кости. Есть хотелось смертельно. Это чувство

не описать тому, кто его ни разу не испытывал. Его можно сравнить разве что с жаждой после многочасового марафона на жаре, если бежать, обливаясь потом, и всю дорогу есть чипсы.

Наблюдая за тем, как подпекается, румянится мясо, я была словно не в себе, меня сложно было назвать человеком, особенно после того, как я не выдержала пытки и вцепилась в этот кусок свеженины и вырвала зубами огромный шмат сочащейся сукровицей плоти. Я не ела, я жрала, чавкала, даже рычала, сама себе приказывая хоть немножко жевать, потому что могла заработать заворот кишок после длительной ожесточенной голодовки.

Я обнаружила себя грызущей кость и поняла, что какое-то время была буквально вне собственного тела и практически не контролировала инстинкты. Так, наверное, индусы и представляли себе nirvanу, древние греки — катарсис. Это была как бы я, но на первобытном уровне, я изначальная, сбросившая луковую шелуху, маски, которые иногда прирастают к коже. И я полюбила себя такой, осознала и приняла.

Когда я кому-то не нравилась, то искала причину в себе. Я ненавидела в себе громкий смех, неуместные шутки, резкие реплики, непримиримость к людям, непохожесть на окружающих, чудаковатые мысли, неумение вовремя закрыть рот, нерешительность, когда надо было решиться, упрямство, когда лучше б пойти на компромисс. В зависимости от конкретных обстоятельств я готова была себя четвертовать за проявление чего-то из этого списка или сверх него.

Иногда мне даже удавалось с этим как-то мириться и жить. Но сейчас я не просто обратилась в глубь своей сути, я встала перед ней на колени и попросила прощения за пощечины внутреннему я, за самоуничтожение, культивирование ложного взамен истинного, я поняла саму суть того существа, коим создал меня Господь, и поклялась на этой обглоданной кости сохранить свою самобытность. Чего бы мне то ни стоило, сохранить, развить, взрастить и нести в горящих ладонях все мне отпущенное время. Меня никто больше неспособен был ранить.

Оторвавшись от упоительного занятия под оркестр собственных кишок, я увидела изумленные морды медведей, которые, если до того и сомневались в моей звериной натуре, теперь утратили все внутренние противоречия, если таковые имелись. Как была на карачках, я пошла на Пестуна и, ткнувшись в него головой, лизнула в нос, а он — меня. А я — его. Это, наверное, было сродни счастьем общения с собственным ребенком, который отражает тебя самого и демонстрирует безусловную любовь. Малыш от нас нисколько не отставал, кусаясь, брыкаясь, рыча и кувыркаясь. Если бы не необходимость идти, мы могли бы резвиться так целый день, и эта забава больше не казалась мне примитивной. Мы говорили телами.

Но все-таки пришлось собрать в заплечный мешок банку с углями, термос с кипяченой водой. Трав у меня больше не было, новые я так и не собрала. Мы двинулись непростительно поздно, но решительно. Пройти хоть сколько-то — это было необходимостью, непреложным обязательством. Как бы мне ни было хорошо здесь, в данный отрезок времени, моя мама не должна, пусть и мысленно, хоронить пока еще живую дочь.

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Бурливая река рассказывала свою торопливую повесть, будто боялась не успеть до утра. Мы долго шли накануне, это был тяжелый по рельефу, но какой-то беззаботный переход, потому что съеденное мясо разливалось по мышцам долгожданные силы, в крови бурлил серотонин, и все, как в начале моего маршрута, казалось детской забавой. Пусть затянувшейся, но все же игрой, из которой есть простой и понятный выход.

Дойдя до реки, к которой вела неприступная горная цепь, — штурмовать водную преграду я и не собиралась, мы долго шли вдоль, — я все еще надеялась перейти ее в месте сужения. Но, когда глаза перестали различать коряги и ямы под ногами, вынуждена была закончить путешествие привалом, чему были весьма рады косолапы. У Пестуна, я знала это наверняка, разболелась лапа. А хитрый Малыш пару раз недвусмысленно просился на руки, хоть я его этим не могла баловать, сама с трудом переставляя ноги.

Для ночевки мы выбрали травянистую поляну между берез, довольно высоких для северной местности, и, едва разобравшись с костром, устроились обычным способом и почти сразу же отключились. Никогда не думала, что спать в абсолютной гармонии с собой и окружающим миром под шепот реки — это такое блаженство.

Медведей снова не было поблизости. Но я была уверена, что они на охоте. Попив кипяточка, помыв голову, я отправилась на поиски и вскоре засекла косолапых за удивительным занятием: Пестик учил Малыша ловить рыбу. Оба они стояли в реке, только старший загребал в запруде огромными лапами, вышвыривая на берег трепещущихся лососей, а младший, пытаясь повторить то же самое, нырял в воду чуть ли не с головой, но рыба ему не давалась.

Уже не стесняясь, я взяла одну рыбу и понесла к костру. Видимо, рыбалка сегодня хорошая, нерест в разгаре и лосось косяками прет в реки, так что бурым хватит еды. А еще обилие рыбы говорило о близости моря, ведь в таком количестве она бывает только недалеко от места встречи пресной воды с соленой.

Уже нанизав разделанную рыбку на палку, я впервые глянула на костер и похолодела: консервная банка валялась внутри, объятая пламенем. И в днище зияла огромная дыра. Рано или поздно это должно было случиться, но как же я надеялась, что она мне еще послужит! Какая же я косорукая дебилка, что, уходя, смахнула единственную посуду в пламя! Теперь не смогу нагреть себе воды ни для чая, ни для мытья. А еще мне не в чем будет нести угли...

Как ни странно, я не плакала, а молча пекла рыбу на углях, которые загребла в сторону, чтобы не ждать, пока прогорят все дрова. Опустошение внутри меня вновь подняло голову и заговорило неприятным скрипучим голосом о том, что я зря тешу себя глупыми иллюзиями, что смогу одна с двумя медвежатами выйти к людям. И своими напрасными телодвижениями я только делаю отсрочку неизбежному финалу.

Осознать сие было так страшно, что я на миг зажмурилась, стараясь дышать ровно и переключиться на пение птиц и шум ветра. «Аня, спокойно, — подбадривала себя шепотом, — это происходит лишь в твоей голове. Все отлично, ты прекрасно справляешься. Ты умная, смелая, ты — героиня, ты лучше всех».

Минутка аутотренинга принесла пусть незначительное, но облегчение. Не особо чувствуя вкус, я стала отламывать куски от рыбины и поглощать их без аппетита. Я уже упоминала, что потеряла интерес к пище, когда ее не было поблизости, она перестала почему-то занимать мои мысли, я утратила все позывы к насыщению довольно скоро: и полмесяца не прошло.

Думала я о другом: как теперь сохранить огонь. К первому способу я приловчилась и не испытывала беспокойства. А теперь вновь ощутила страх лишиться огня. Ведь чем ближе к морю, тем холоднее: воздух уже становился более сырым и менее прогретым, постоянные ветра несли прохладу. И, по всему выходило, на Территорию надвигался очередной циклон. А раз так, без огня никуда.

Можно сохранить огонь, читала я однажды из природного любопытства, если завернуть угли в кору, предварительно присыпав их сухой землей и золой. Потом кору необходимо скрутить в рулончик, заткнуть с двух сторон деревом и нести строго вертикально, не встряхивая. Я совершенно не была уверена в этом способе,

но разве был у меня хоть какой-то иной выбор? Сейчас я бы рада найти в лесу банку, бутылку, хоть что-то из отходов, за что обычно проклинала нерадивых туристов. Но здесь не ступала нога человека.

Какое же счастье, что для стоянки мы с медведями выбрали место именно среди берез. Ее кора отлично подойдет для моей задумки. Я принялась обдирать стволы, запасаясь еще и впрок, потому что не знала, на сколько хватит одной «упаковки». Потом разыскивала веревку, маленький моточек обнаружился в потропанном рюкзаке. Ее не хватило бы ни на что, кроме обмотки мелкого предмета. Значит, это судьба.

Упаковывая угли, я как-то отрешенно, будто посторонним человеком, восхищалась сама собой, а вернее всплесками собственного иррационального оптимизма. Еще час назад я была готова топиться в реке от мысли, что могу не дойти, а теперь радуюсь как ребенок, что нашла выход из очередной, на первый взгляд безвыходной ситуации.

Правда, мне нужно было внимательно следить за способом переноски, поэтому я поставила рулончик в пакет, не закупоривая верх, чтобы сохранить доступ кислорода, потом поместила получившийся сверток в кружку от термоса, заполнив пустое пространство травой, и поставила все это в боковой карман, плотно обхвативший пластмассу. Так хотя бы устойчиво. Единственное, при штурме реки нужно не забыть, что я несу, и стараться не размахивать рюкзаком и не швырять его, что я себе пару раз позволяла. В остальном мне просто обязано было повезти.

Собрав лагерь, я пошла за медвежатами и обнаружила их млеющими на берегу кверху круглыми брюшками. Рядом валялось три лосося, изрядно пожеванных, но тем не менее целых. Тормознув, я без промедления вспорола их ножницами, как заправская рыбообработчица, вывалила внутренности в воду, а остальное замотала в пакет и сунула в рюкзак. Запас пищи не помешает. И при установившейся температуре рыба просто не успеет пропасть.

Мишки поднялись нехотя. Они взирали на меня, их зовущую, непонимающе, ведь им-то спешить было без надобности. Они наконец досыта поели и могли просто наслаждаться солнышком. Но я не могла.

Чтобы ускорить процесс, я взяла Малыша на руки, понимая, что долго его отяжелевшую тушку не пронесу. Но это было нужно, чтобы просто заставить их стронуться с места. Я чувствовала, что море где-то недалеко, и ничто уже не могло меня удержать: ни ласковое солнце, ни нашептывающий сказки ручей, ни перина из разнотравья — ничто.

Рельеф гор должен был увести меня на юго-восток, то есть, если смотреть по линии берега, в другую от Города сторону. Поэтому я снова решилась на штурм сопки. Потому что знать о близости моря и блуждать параллельно ему было выше моих сил. Нет, больше не буду себя щадить! Я и так провела здесь целую вечность. Мне нужно домой.

Подъем представлял собой сплошной сыпун из окатых камней. Ставишь ногу на один — десять катятся. Надо сказать, что медведи преодолевали этот маршрут значительно бойче меня: карабкаться для них было проще простого, а вот спускаться — тут наши шансы должны были уравниваться. Со своими сбитыми, синюшными, кровоточащими ногами я порядком отстала, и расстояние между мной и зверями увеличивалось в геометрической прогрессии. Если каких-то десять минут назад я видела их круглые коричневые задки где-то впереди, то вскоре обозримый пейзаж демонстрировал камни и только их.

На подъеме зацепиться оказалось не за что — держишься за валун, а он с легкостью отрывается от собратьев, катится на тебя и со всего маху опускается на ногу — я так выдохлась и потеряла столько драгоценной жидкости, благо термос

с ледяной водой был при мне, что в какой-то момент просто распласталась на булыжниках, чувствуя, как они больно давят на тазовые кости и грудную клетку. Плевать! Полежу пару секунд и встану.

...Мама, мамочка, не тормози, пожалуйста, будильник еще не звонил! Ну пять минуток, родная, всего пять... Или десять. Сегодня ведь ко второму уроку...

Что-то настойчиво тянуло за шиворот, кости скребли по камням, было очень, просто невероятно больно, а еще совершенно недоставало сил открыть глаза, словно тебя будят среди ночи без видимых причин. Щека проехала будто по стеклу. Пришлось оторвать голову от подушки... Надо мной ширились две коричневые кривые лапы с устрашающе длинными и острыми когтями. Я протянула руку и потрогала свою шею. Капюшон был мокрый от вязкой субстанции и, судя по озадаченной морде Пестуна и слегка оттопыренной нижней губе, я только что вляпалась в его слюни. Какого?..

Лишь бегло взглянув в небеса, пришла в ужас: солнце сильно сместилось и уже не грело, а лишь пока еще не позволяло остывать земле. Два часа. Никак не меньше. Два. Гребаных. Часа. Я ведь лишь на минутку прикрыла глаза... Да. Положение гораздо хуже, чем мне казалось. Я уже себя не контролирую.

Опираясь на медвежью спину с одной стороны, помогая себе какой-то древней корягой с другой и наблюдая, как, смешно перебирая лапками, карабкается с камушка на камушек мелкий, я брела вверх, и все было в каком-то тумане. Ни четкости мыслей, ни ясности зрения. Всего пару раз в жизни меня посещало подобное состояние, когда в результате длительных перелетов падала спать в неурочный час и, открывая глаза, не могла понять, в каком месте нахожусь, который час и что мне делать. Поднять — подняли, разбудить забыли. Так, кажется, о подобном говорят.

Хребет крутой сопки был неожиданно тоненьким. Глянув вниз, я просто дыхания лишилась: ручей, от которого мы стартовали, был не толще волоска. Зато с другой стороны... Да-да, там было море.

Больше терпеть не было ни сил, ни желания. Позабыв о слабости, я понеслась, как могла быстро, по тонкой тропке, натоптанной, может быть, горными баранами. Мхи сменялись низеньким кустарником, песками, переходящими в почву. Камни выкатывались из-под ботинок, обещая адские переломы. Но море, бурлящее и кипящее у подножья сопки, где-то внизу в ином измерении, было для меня магнитом и тем светом в конце беспробудно темного тоннеля, который я уже не чаяла разглядеть.

Казалось, протяни руку и ощутишь под пальцами соленую воду, напоенную запахом йода и немножечко дома. Но сумерки сгущались, а я все скользила по пескам, камням, дерну, траве, балансировала на ветках, которые не давали сорваться вниз, хватала Малыша, который с визгом ужаса отказывался идти так быстро по опасной крутизне. В меня вселился какой-то бес отчаянного сумасшествия, утративший связь с реальностью и чувство самосохранения.

Лишь когда очередной визг взял очень высокую ноту, я остановилась как от удара, отрезвленная происходящим. Что я творю? Впереди нет огней моего Города. Зачем я так рискую собой и единственными существами, которые, ничего не боясь, несутся рядом, хотя сами не понимают — куда и зачем.

Малыш поранился: неизвестно чем в этой гонке пропорол себе подушечку на передней лапе. Он выл и как-то свистел в нос, поджимал лапку и смотрел на меня с такой невероятной укоризной, что я бухнулась на колени в какую-то сырость, чтобы извиниться за свой необузданный галоп. Дура, что я наделала? Выжила из ума, не иначе. Признаю, я уже давно не чувствовала себя адекватным человеком, да и человеком вообще не чувствовала. Временами мне казалось, что над сопками

летит моя душа, а тела давно не существует, что оно лежит в какой-нибудь канаве на поругание мелким хищникам.

Если Малыш утратит способность передвигаться, как днем ранее его старший брат, мне придется его нести, потому что маленькие неспособны терпеть боль во имя неизвестно какой необходимости. Пройти бок о бок, лапа в ногу так долго, чтобы теперь так bestолово распорядиться его здоровьем...

Тычки в бока не давали спать. Снова мне мешают. Что же это сегодня происходит? Глаза открыты оказалось еще сложнее, чем в первый раз. Темнота окутала перелесок. Я лежала в сырой глине, куда упала, чтобы пожалеть Малыша. Он дремал, скрюченный у камня. А Пестик ходил кругами, тыкаясь в меня носом. Судя по влажному лицу в комьях грязи, он, как мог, пытался меня поднять. Да что же это?! Нельзя же так просто отключаться!

Остаться в этой сумасшедшей влажности было невозможно, пришлось ползти, несмотря на слабую видимость, вниз, на побережье. До него оставалось недалеко, но растительность здесь, у воды, разбушевалась во всем своем северном многообразии. Иногда деревья висели стволами над обрывом, и я только успевала, сделав шаг в никуда, схватиться за что-то. Пару раз на меня со всего маху налетал Малыш, однажды, чтобы не свалиться, он вцепился мне в загривок, и я заорала от боли на весь лес, пугая каких-то птичек и грызунов, пристроившихся на беззаботный ночлег.

Сейчас или никогда. Сегодня я увижу море! Примерно на этой браваурной мысли земля ушла из-под ног, и я кубарем покатила по траве с крутяка, прикладываясь боками и конечностями ко всевозможным веткам и камням. Не голову, только не голову!!! Сгруппировавшись по старой горнолыжной привычке, я, ничего не видя, как-то лавировала между всяческими смертоносными препятствиями и в конце концов рухнула оземь как куль, полный разномастных костей. Бабах!

Было больно дышать, воздух вырывался из груди с сипом и неровными короткими толчками. Вдохнуть чуть сильнее никак не удавалось. А над головой висел черный свод неба, сбрызнутый серебром. И луна была такая огромная, вся в серых пятнах, будто по ней недавно прошел кот на мягких лапах, перепачканных золой, и подмел за собой хвостом.

И тут на меня обрушился рокот моря — шипящий, густой, пенный, полифонический. С треском где-то у ног разошлись кусты, и из них выкатился с кряхтением маленький шар, последовал и большой. От шаров отделились лапы и тупые носы, из-за кругленьких ушей головы приобрели очертания микки-маусьих.

Пестун принялся обнюхивать мои ноги. Его нос щекотал меня и доставлял боль там, где по мне прошли камни и ветки. Но я по-прежнему была жива и наслаждалась жизнью, пила воздух, вдыхала звезды, вбирала вкус морской воды. Я открывалась навстречу этому пропыленному бархату над головой.

Мне больше не было холодно. И слез больше не было. Я оказалась там, где должна быть с того самого мига, когда появилась на свет. Вся моя жизнь шла к этой минуте. Я познала себя и нашла в себе бога. Я вкусила истинную любовь и, пропустив ее через себя, отдала еще больше — сверх того, что имела. Я доказала, что силы простого человека безграничны, что крепость духа измеряется не в спортивном зале или в конфликтах, а в обстоятельствах, ставящих человека за грань.

Малыш аккуратно наступил одной лапкой мне на грудь, приблизил морду, как обычно по утрам делают голодные кошки, повел ноздрями, обнюхивая лицо и щекоча меня шерстью. А потом — ну точно кот — улегся сверху, притоптав место, тяжело выдохнул и замер, будто так было и надо. Я и без того дышала с трудом от ушибов, полученных в результате падения, а тут и вовсе утратила возможность вдохнуть полной грудью. Но согнать моего сладенького прелестника, маленького доверчивого кутенка, просто рука не поднялась.

Через несколько минут неизвестно куда подевавшийся Пестун подошел незаметно со стороны леса и лег точно собака сбоку от меня, пристально глядя в глаза. Впервые я потянула к нему руку не в спешке, в желании избавиться от боли или опереться, когда не держали ноги, а как к любимому существу, чтобы наградить лаской. Пальцы коснулись влажного носа, скользили чуть вверх, пробежали между глаз, по надбровным дугам и остановились промеж ушей. Он следил за этим движением, вращая в темноте блестящими пуговками, которые отражали лунный свет. Я уже знала, что никакого огня у меня больше нет, но перестала сожалеть и о нем.

Я смотрела на бескрайние волнующиеся, дрожащие и дышащие воды, отделенные лунной дорожкой от такого же присыпанного блестками неба. Только по ней можно было понять, где вода чертит линию задремавшего горизонта о нескончаемый пятый океан, а тот, в свою очередь, стирая границы, вливается во Вселенную.

Все в этой темноте было наполнено первозданностью и потрясающей дикой красотой, не тронутой ретушью человеческого вторжения. Я поняла, что движение к морю было той самой сверхзадачей, решив которую я оказалась в тупике, из которого стремилась выбраться всю свою взрослую жизнь. Теперь я опять не знала, что делать дальше.

Мысль, открывшаяся мне под черным небом, уже не единожды вкрадывалась в воспаленный мозг, но вытеснялась необходимостью выживать и каждодневными вызовами, которые бросала сама жизнь. Что я буду делать, когда выйду к людям? А то, что это рано или поздно произойдет, сомнений не вызывало. Что я буду делать среди тех, кто никогда уже меня не поймет: тепличных, комнатных, горящих на одиночных свечных огоньках никчемных проблем?

Опять эти игры нездорового разума... Нужно поспать... Я, наверное, головой все же приложилась... Как же холодно... Или кажется?..

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ

...Почему меня опять кто-то дергает?! Разве сегодня не выходной? Мама, слышу, на кухне гремит тарелками, а в воздухе циркулирует запах гренок со сгущенкой. М-м-м, их съедят, если я не встану...

Еще не открыв глаза, поняла, что не дома, потому что тот дом, что постоянно вижу во сне, давно уже принадлежит чужим людям. И потому что в нем никогда не было так холодно и сыро. Там всегда витал дух нашей маленькой семьи. И семьи-то никакой уже нет, все разлетелось по свету, как птички, в поисках южного ветра. Только я осталась.

Как же холодно... Холодно... Все заоченело. И хочется спать. Во сне холод отступает, и тени прошлого прячутся в темных углах памяти.

Тычки продолжались. Меня явно не оставляли в покое. Да что же это...

Снова эта медвежья морда — наглая, дурашливая, слегка взволнованная. И вторая — восторженная — рядышком, тут как тут. Мои преданные стражи не давали улететь в тепло, в родное гнездо, которое находилось теперь в моем мире — там и больше нигде. Животные лучше людей чувствуют предвестники беды. Поэтому им так важно было вытащить меня из полузабытья. Потому что за ним, я и сама это понимала, ждет конец.

Я села не без труда. Как же все болело! Много часов не шевелилась вовсе — как скатилась вчера кувырком с горы, о чем в этом сыром прохладном пасмурном дне напоминала примятая трава, дорожка свежей земли и оползень из камней, так и пролежала до сего момента, сначала под гнетом медвежьей тушки, а потом в забытии, от бессилия. Наверное, мишки напугались, раз стали так настойчиво меня тормошить.

По всему выходило, что ничего не сломано, только синяки, растяжения, ссадины. Рюкзак все это время находился за моей спиной. Я его стащила и ознакомилась с содержимым. Попахивающая рыба. Ее без сожаления отдала детям — две большому, одну, но крупную — мелкому. Малыш вцепился в еду с жадностью и рыком, а вот старший — радость моя — вопросительно глянул, мол, себе, что ли, не оставишь, будто помнил, сколько я положила в пакет. А после, будто дождавшись кивка, с наименьшей жадностью принял за свою порцию.

Несмотря на слабость, головокружение, отрешенность и апатию, как лучом меня прошила мимолетная радость от того, что они будут жить. Я, может быть, и нет, а они уж точно будут. Дикие звери в дикой природе. Одни против целого мира.

Кора березы в треснувшем пластмассовом стакане от термоса сохранилась прекрасно, да только деревянная пробка с внешней стороны вывалилась вместе с содержимым. Я знала, что потеряла огонь, еще вчера. Но визуальное подтверждение этого краха все же произвело на меня сильное впечатление. Стало в сто раз холоднее. Я завывала, всхлипнула, но, перехватив испуганные взгляды — редко позволяла себе хоть какие-то звуки, будто от природы была немой, — вмиг заткнулась.

Нет огня — значит, нечего и хранить, можно быстро встать и пойти куда глаза глядят. Тем более сегодня такой прекрасный отлив, который, по всему выходило, только вошел в силу.

Чтобы не трястись от ветра, я обмоталась оставшимися пакетами, которые после утраты веревки были сложены на дне рюкзака. Стало значительнее теплее, особенно при движении. Я плелась, мишки по инерции трусили следом, все еще облизываясь после завтрака. Счастливые, радуются пище. А мне вдруг стало как-то все равно. Делая шаг за шагом, я пыталась воскресить в памяти знакомые с детства запахи — жарящегося мяса, свежего хлеба, только что приготовленного борща, молодой картошечки с укропом и сливочным маслом — и ничто из этого больше не пробуждало во мне аппетита.

А что вообще способно теперь доставить мне радость? Горячая ванна? Определенно. Мягкая постель? Думаю, да. Покой и уединение? Хоть и не сижу на месте, но уединения не отнять. И что же? Ноги все одно несут к людям. Бежала бы я к ним, тем, кому, в сущности, на меня наплевать, если б не было мамы, умирающей от горя и тоски по мне?

Наверное, я запуталась даже сильнее, чем предполагала. Что, казалось бы, произошло такого экстраординарного в моей жизни? Конечно, не берем в расчет катастрофу. Да ничего. Развод? Случается с каждым. Ну подружка еще уехала. А были ли мы в действительности подругами? Что нас связывало, кроме увлеченности работой и приобретенных за время общения только нам понятных шуток? Знала ли она меня? А я ее? На оба вопроса сейчас я бы смело ответила: нет. Она и не догадывалась, какие демоны живут на дне моей души, на чем держится наш с Аликом брак и что, в конечном счете, сердце мое принадлежало другому.

А что я могла сказать о ней, кроме того, через что мы прошли вместе? Кем она была по жизни, какие поступки, исключая совершенные на моих глазах, под моим контролем, ее характеризовали? Мне было странно даже думать о таком, но она, Алка, оказывается, никогда не была мне подругой по-настоящему. Поэтому-то так легко променяла наше совместное житие на свое, отдельное, и там, где, как ей показалось, будет лучше. Или легче. Я до конца не верила, что она это серьезно, что решится, что сможет.

А потом еще раз пропустила через себя прописную истину: мы видим друг в друге то, что хотим видеть, сознательно игнорируя другие качества: чуждые, неблизкие.

Кем она была на самом деле? Не в моих глазах, а для тех, кому Алка не являлась ни родной, ни подругой? Наверное, просто девочкой-карьеристкой, амбициозной дурочкой, одной из многих, кувыркающихся в возне за место под солнцем. Это ведь я впустила ее в душу, позволив стать моим зеркалом. Я, не она.

В минуту этих маленьких открытий я, как никогда раньше, почувствовала разьедающее одиночество. Не локальное уединение настоящего, а глобальное, неотступное, не делающее скидок. В сущности, мы все одиноки в своих коконах, а наше окружение — лишь иллюзия. Но за чередой ежедневных событий редко ощущаем это в полной мере. И я на этом пустом побережье под дождем и пронизывающим ветром была не более одинока, чем в толпе людей, спешащих по своим делам.

Все иллюзорно. Какая, в конечном счете, разница, один на сотню километров или один в мегаполисе? Наше внутреннее опустошение, обособленность, желание смотреть только вглубь себя и делать собственные проблемы центром Вселенной — все это рождает вокруг гораздо больше пустоты, чем прибрежные скалы и холодное северное море. И здесь я во сто крат нужнее двум теплым сердцам, чем кому-то за всю свою жизнь в Городе.

Кто принимает нас такими, какие мы на самом деле есть? Кому мы по-настоящему нужны? Детям? Это временно: пятнадцать-двадцать лет — и звонки раз в неделю в лучшем случае. Худший — это когда вы вместе в одной крошечной хрущевке и только того и ждете, чтобы избавиться друг от друга на долгие годы, чтобы не сталкиваться в узеньком коридоре. Отпрыски, которые еще вчера пускали пузыри на вашу любимую блузку и цеплялись липкими пальчиками за плечи, потому что не хотели отпускать на целый день, сегодня смотрят сквозь. В общем-то, так же как и вы, погруженные в собственные житейские неурядицы, основная из которых — вынужденное неприятное соседство со старящимися родителями.

Мужьям или женам? Сколько раз я видела в магазине одну и ту же картину: люди, которые давно уже забыли, зачем когда-то поселились общим домом, жрут друг друга поедом из-за не той марки майонеза, оказавшегося в корзинке. И если даже брак счастливый, насколько хорошо мы знаем свою половину? Почему приятно мы подчас можем рассказать значительно больше, чем человеку, с которым годами делим постель?

Родителям? Пожалуй, да. По-настоящему в нас — больных, безумных, нетрезвых, обнищавших, всяких разных, — нуждаются наши родители. Только их любовь безусловна и нерушима, только на этом и держится мир. И именно их, чувства эти, дети так расточительно и жестоко используют, надеясь на неисчерпаемость. А ведь прочее, чем мы со временем начинаем дорожить гораздо больше родительской любви, — суть тлен, мишура, красивая обертка от давно протухшей колбасы.

Шагая через боль по галечному берегу, сбивая ноги, которые давно уже не имели ничего общего с теми, которые я когда-то холила у педикюрщиц, оскальчиваясь на водорослях, я всякий раз спрашивала себя, маниакально и как-то даже параноидально: шла бы с таким упрямством в сторону Города, почти неживая, похожая на привидение, если бы не мама?

Куда и зачем двигаться через боль, если не ради и во имя любви? Без любви мы всего лишь оболочки, потребляющие пищу ради удовольствия. Без высшей цели, без жертвенности, без отражения в себе красоты мира, мы биомшины, единицы, существующие ради размножения.

Ради чего я жила до катастрофы? Шаг за шагом приближаясь к Городу, хоть его не было видно даже в призрачной дали, я не могла дать ответа и на этот вопрос. Чуть раньше — буквально на две недели — я бы не задумалась: ради работы, друзей, возможности когда-то еще попытаться обрести счастье.

А сейчас все это звучало в моей голове набором пустых звуков, детским лепетом. Я взирала на свое прошлое глазами столетнего мудреца, глядящего внука-подростка по голове и видящего все его чаяния и печали.

К вечеру — а я просто шла: шаг, шаг, шаг — все было в тумане, на берегу и в моей голове. Я приказала себе переставлять ноги, пока не стемнеет, но в мозгу билась, как палочка о барабан, мысль упасть на оголившийся отливом песок и слушать дуэт ветра и моря — идеальное сочетание фальцета с баритоном — насладиться этой божественной музыкой, на миг прикрыть глаза, в последний раз обнять медведей и уйти за горизонт, где между небом и землей есть маленькая дверца, ведущая к предкам.

Я не была уже в полном смысле живой, а находилась как бы на границе миров, нашего и того, недостижимого, о котором мы так часто разглагольствуем в теологических диспутах.

В ужасе я выныривала из своего бреда и искала глазами зверей. Они, все мокрые, а оттого очень жалкие, плелись невдалеке. Хромали оба: Пестик не стащил мою повязку и, видимо, мог передвигаться только благодаря ней, Малыш припадал на переднюю лапку, которую распорол вчера на спуске. Но они все еще были рядом.

Когда совсем стемнело и вода стала подбираться к прибрежным скалам, я, все еще бредя, но теперь положив руку на спину Пестуну, как уже бывало, стала как-то отрешенно соображать на тему ночлега. Все вокруг было мокрым и блестяло в лунном свете. Шумели кусты у подножья скал, где-то журчал ручей, их много спускалось к морю там и тут. На берегу стали появляться огромные бревна, вынесенные соленой водой. Это все было бы так прекрасно в сухую погоду, а сейчас — без костра, крыши над головой и пищи — я являлась остывающим трупом — единственной фальшивой нотой в этой удивительной морской симфонии.

Медведи, знавшие жизнь в дикой природе во сто крат лучше меня, полезли в кусты, чтобы укрыться там до утра. Я огляделась, все еще надеясь на чудо. Метрах в пятидесяти позади, в той стороне, откуда я и пришла, чернел какой-то квадрат, прислоненный к отвесной скале, где еще не началась растительность. Странно, я шла там всего какими-то десятью минутами ранее, но ничего не разглядела. Может быть, это просто камни? Никогда за весь маршрут я еще не поворачивала назад. Даже в моем нынешнем состоянии это оказалось почти равносильно поражению над самой собой и обстоятельствами. Но, сделав над собой последнее усилие, я приблизилась, постоянно обо что-то спотыкаясь в темноте.

У скалы, грубо собранный из бревен, досок и кусков ржавого железа, стоял домишко — нет, даже сарай, времянка. Такие строения на Территории возводят рыбаки и крабари, в основном браконьеры. Признаться, я давно уже не надеялась на милость природы, на подарки судьбы, но неожиданно — может быть, за примерное поведение — получила один из них.

Кривая, болтающаяся на одной петле, когда была не прислонена к притолоке, дверь подалась со скрипом. Через маленькое оконце под потолком в помещенище пробивался робкий лунный свет, как уличный фонарь, искоса заглядывающий к жильцам многоквартирного дома. Такой был и возле моего. Он и сейчас есть, только я давно уже отсутствую в тех стенах.

Чем больше всматривалась своим вконец упавшим зрением, тем больше уверялась, что все еще брежу. В сараюшке был топчан, печка-буржуйка, стол. Все сколочено из неотесанных, нестарых еще досок, очевидно завезенных сюда морем. На полу валялись остатки стройматериала, соструганная щепка, ворох газет, из кипы которых выглядывала моя, тот самый номер, где я писала... о нашествии медведей на Город. На обложке красовался цветной фотоколлаж,

основу для которого мы снимали вместе с Алкой на камеру мобильного телефона, как делали не раз: я бежала, придурочно растопырив руки в приступе мнимого страха, а сзади дизайнеры пристроили огромного топтыгина, который то и гляди готов был меня зацапать.

Это оказалась судьба, но иначе. Я опустилась на сухой пол, насквозь мокрая, несмотря на кульки, и, обняв газету, затряслась от рыданий, а слез меж тем уже давно не было. Частичка моей прошлой жизни выскочила так неожиданно, как искра из костра, после которой потом еще долго щиплет обожженное место, и напомнила о себе чудовищной болью, будто зашевелился старый осколок в сердце.

Наверное, я выла, потому что через какое-то время в дверном проеме показалась головенка Малыша — удивленные пуговицы вбуравились в меня, после он проник в помещение, отряхнулся, забрызгивая все и вся, и полез по привычке мне на руки. Он всегда так делал, стоило мне где-нибудь присесть.

Когда теплое, пахнущее дикой природой существо завозилось на моих руках, пришла спокойная решимость — я все смогу, раз сумела столько, мне нипочем дожди, ветры, даже камни с небес. Лишь бы вот так же чувствовать в руках этот живой ворчащий клубок. Лишь бы рядом.

Я планомерно обыскала свои владения, ни на что особо не рассчитывая, но сюрпризы продолжились. Под столом в ящике лежали спички — целых два с половиной коробка, разодранная початая пачка всегда казавшегося мне тошнотворным гранулированного чая «Амурский тигр», ножик, две гнутые вилки, алюминиевая ложка. В углу стола примостилась банка со спрессовавшимся сахаром, а в лежащем там же коробке из-под спичек обнаружилась ко всему прочему богатству еще и соль. Также там стояла жестянка с окурками и еще одна, видимо, служившая кружкой, — не у одной меня и геологов из «Территории» такая привычка. Невдалеке валялись мятые полпачки «Явы», но курево мне было безынтересно.

Самое главное нашлось в углу — грязный походный котелок и такой же зачуханный, но не худой чайник в отсыревшей коробке. А под нарами уже в пластиковом куботейнере, которые используют для заготовки и хранения икры, нашлись две банки тушенки разных фабрик, разорванный пакет гречки и упаковка макарон-ракушек. В это я просто отказывалась верить. К тому же, присмотревшись, увидела прямо на дне кучу разломанных печенюшек. Нас с медведями ждал пир. Пир на весь мир.

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Было явно за полночь и начинался шестнадцатый день моего пребывания в дикой природе, когда на буржуйке, источая упоительнейший из ароматов, зашкварчала тушенка. В крохотном домишке стало уютно, как никогда мне не было нигде, кроме родительского дома. Особенно в предновогодье.

Мама ставила под елку подарки. Пакеты из красивой крафт-бумаги — мы такие видели лишь в кино и магазинах Города — заботливая рука проклеивала скотчем, чтобы не оставалось места соблазну узнать о сюрпризе раньше времени. А еще было много сладостей и изысканных по нашим меркам кушаний, которые мы так редко могли себе позволить: огромные миски салатов, несколько вторых мясных блюд — полный стол, а еще — на журнальном. Мульттики по телевизору, морозные узоры на окнах, полумрак, елка, запахи готовящихся угощений и только что разломленной мандариновой кожуры, сугробы под самый подоконник и ощущение, что ты маленький всемогущий бог и единоличный творец волшебства.

Счастье. В детстве это примерно десять-пятнадцать процентов от прожитого времени, а дальше... Не знаю, максимум полпроцента. Так, наверное. Что мы, взрослые, вообще знаем и помним о счастье? Когда оно в последний раз стучалось в наши сердца? В какой миг жизни нам вдруг хотелось оторваться от земли и пролететь над домами, окрашивая все вокруг восторгом и любовью. Получается, лишь экстремальные обстоятельства способны пробудить давно забытые эмоции.

Сидя возле буржуйки с огарком свечи на кипе газет, отгоняя от раскаленного железа Малыша, который смешно водил носом и норовил облокотиться о печку лапками, я с ощущением всеобъемлющего, огромного как море счастья помещивала в почерневшем от длительных контактов с открытым огнем котелке тушенку. Отваренные несколько минут назад макароны испускали пар в алюминиевой корявой миске.

Прежде чем начать кулинарный сеанс, я натаскала воды из пришепетывающего неподалеку ручья, изумляясь откуда-то взявшимся силам после целого дня на ногах. Потом, как могла, отмывала кухонную утварь, затем кипятила воду для приготовления макарон и еще чая. И вот сейчас, себе не веря, смешивала тушенку с ракушками, наливала почти черный напиток в чашку и была на седьмом небе.

Мне нельзя было много есть, хотя наброситься на содержимое котелка хотелось необоримо. Я справедливо разделила приготовленное на три части, меньшую взяла себе, остальное оставила остывать. Медведи были здесь же, подсохшие и даже у жарившиеся валялись на полу поближе к выходу и водили ушами, прикрыв глаза. Точнее, так делал Пестик, а Малыш, не в силах лежать, когда что-то происходило без него, постоянно норовил залезть на печку, но я ему не позволяла, и тогда с обидой он шел к брату и недовольно укладывался рядом.

Оставив на подогреве свою часть, я стала перемешивать две другие, каждую положив на газету, обернутую целлофановым пакетом. Я не ела, пока и для моих спутников все не было готово. Просто не могла себе позволить вдруг превратиться в животное, когда дело коснулось базовой потребности в пище. Только после того, как пододвинула к каждой морде по порции, принялась за свою.

Вкушать мясо с макаронами было настолько непривычно и потрясающе вкусно, что на миг я забыла обо всем. Целый фейерверк из оттенков вкуса буквально взорвал изголодавшийся по ярким эмоциям мозг. Тяготы последних двух недель, моя почти смертельная усталость вдруг перестали существовать. Не зря говорят, что еда — наркотик. Я не просто пополняла силы, я смаковала блюдо, будто сидела не в грязной рыбацкой кандейке, а в мишленовском ресторане. Все внутри свело от попавшей туда пищи, потом начались рези, бурление, утробный вой кишок. Я испугалась и стала есть в два раза медленнее, хоть и без того осекала себя при каждом зачерпывании.

Но все равно с едой было покончено в считанные минуты. Моя порция составляла меньшую, чем я привыкла есть. Остальное пошло мышкам. Стоило признать: дело было не только в щедрости. Я боялась под влиянием неконтролируемого голода умять все до крошки и этой же ночью глупо и бестолково отдать богу душу.

Потом настелила на нары газеты, под них кинула какую-то валявшуюся в углу не сильно вонючую тряпку, под голову сунула пакет с обрезанными волосами, свои просохшие вещи, подкинула в печь побольше дровишек и моментально отрубилась.

Меня разбудил негромкий хлопок. Потом второй. Несколько секунд я, как и прежде, не могла сориентироваться. А когда поняла, где нахожусь, вспомнила события этой ночи, огляделась в поисках косолапых, но их нигде не увидела. Висящая на одной петле дверь, неплотно прикрытая, говорила о том, что они вышли. Отсюда и звук.

Дождь не унимался всю ночь, лил и сейчас, разбавляя соленое море. Волны подлетали ему навстречу, будто гигантскими языками стремились захватить побольше живительных пресных капель. Небеса были словно присыпаны угольной пылью. Ничто не предвещало скорой смены погоды. Я не торопилась. Впервые за все это время меня радовал дождь. Потому что было немного еды, теплое укрытие и интересная книга. Мечты о большем даже на ум не приходили. А ведь когда-то я воротила нос от отелей, если в номерах было недостаточно свободного пространства и хорошей мебели, а в столовой не предлагали обильного шведского стола. Сейчас это казалось нелепой шуткой. Ведь в эту минуту я была во сто крат счастливее, чем в самом дорогом заграничном путешествии.

Вскоре нашлись и медведи. Они пошли ловить рыбу в место, где соленая вода встречалась с пресной: туда впадал широкий бурливый ручей, к которому я ходила накануне. Это не секрет, рыба опресняется перед заходом в реки на нерест, поэтому копится у берега в местах с наименьшей просоленностью.

Пестун жрал рыбины, не выходя из воды, подкидывая пищу и Малышу, который всякими смешными звуками привлекал его внимание. Они были мокрыми, но такими счастливыми. Черти мои бурые.

Вскоре горка рыбин появилась и на прибрежных камнях. Они, как обычно, были изуродованы медвежьими зубами и когтями, но я не обращала на сей факт никакого внимания. Для приготовления лососей себе в пищу мне больше не нужны были маникюрные ножницы, потому что в столе лежал туповатый, но все-таки нож.

Я ловко вспарывала брюшины, чистила рыбу в проточной воде и вскоре получила восемь расчудесных туш. Дождь теперь вообще никак меня не трогал, потому что при наличии печки и дров, можно было пережить любую непогоду.

Через час на столе моем, не воображаемом, а самом что ни на есть настоящем, появилась ароматная уха. Вода, соль, гречка и куча рыбьих голов. Я так раздухарилась, что потушила в бульоне горящую головешку по старому таежному обычаю да подкинула в качестве приправы немного сорванной за домиком дикой петрушки, во вкусовых качествах которой была уверена.

Медведей мое меню теперь не интересовало, они изрядно натрескались и лежали поодаль от печи, но все-таки под крышей. Мы втроем были абсолютно умиротворены таким простым, незатейливым времяпрепровождением. Улегшись на нары, я стала читать им вслух, пока вновь не уснула. Как же хорошо просто спать, не думая ни о чем...

Когда я открыла глаза, день незаметно перетек в вечер. Стало просто темнее, в остальном перемен за маленьким оконцем не наблюдалось. Но они произошли во мне. Выламывало каждую косточку организма, особенно давала о себе знать поясница. Я понимала, что происходит, но отказывалась в это верить. Простудилась-то, вероятно, уже очень давно, но от стресса загнала болезнь внутрь. Теперь же, когда житейские неурядицы хоть ненадолго отступили, она наконец подняла во мне голову. Да еще и как.

Так дурно мне не было очень и очень давно. В последний раз, три года назад, все закончилось больничным, который пришлось провести на дневном стационаре. А что же мне делать теперь? Идти нет сил, об этом не могло быть и речи. Лекарств у меня тоже не водилось. Ждать, что кто-то сюда приедет и спасет меня, также не стоило.

Таких хлипких лачуг понастроено по всему побережью. Люди здесь были, вероятно, около недели назад, когда рыба перла у самого берега. Вернутся они не скоро — только на крабов. Сейчас все рыбаки на реках, там теперь самая жатва.

Да еще и погода настолько «прекрасна», что вряд ли кто-то в своем уме станет рисковать лодкой и жизнью, чтобы здесь неизвестно зачем пристать. Две банки тушенки, вернее уже одна, да газета со мной на обложке этого явно не стоят.

Лежа на спине и таращась в оконце под потолком, в которое проглядывался маленький кусочек утрюемого заплаканного неба, я как-то отрешенно и сонно размышляла о дальнейших планах, чему ничуть не способствовали озноб, сменяющийся жаром, и ломота, после каждого приступа которой по позвонкам будто пускали струю ледяной воды. Это оказалось особенно противно.

Нужно было вспомнить травы, которые способны излечить хворь и поднять иммунитет. Но, кроме иван-чая, стланиковых иголок и брусничного листа, в голову мало что приходило. Тем более за стлаником и брусникой нужно лезть в сопку, иван-чай можно найти и поближе, на зеленых склонах. Я вспомнила что-то о диком луке, у которого на конце такой маленький фиолетовый цветочек, отдаленно напоминающий репей. Его вроде как ели цинготные зеки. Кажется, когда выходила к морю, видела фиолетово-розовые цветы. Неплохо собирать морской капусты по отливу, но сил совсем не было.

ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ

Мой полусон-полубред продолжался много часов. Медведи научились за это время шастать туда-сюда, периодически проветривая лазарет. Дождь то стихал, то припускал с новой силой, не давая просыхать гальке и моему убогому жилищу, в котором стало очень холодно, ведь все это время никто не подкидывал дровишек в печь.

Принять вертикальное положение оказалось задачей посложнее моего многодневного перехода через сопки и речки. Было так паршиво, что я даже отчета себе не отдавала, что планирую делать на nive собственного выживания. Все отошло на второй план, кроме слабости и ломоты в костях. Хорошо, что я успела заварить невкусный крепкий чай в термосе и принести целый чайник холодной воды, которую попивала в моменты туманных пробуждений.

Как же кружилась голова! Мир вертелся и уплывал, сердце колотилось в горле, в ушах завывал свой собственный шумливый ветер, сухие шершавые ладони были до омерзения горячими, ноги подламывались, но я все ж таки встала.

Как ни странно, в печи еще теплились угольки, но запас дров был не столь велик. В запале безотчетной радости я расходовала их, не жалея, а сейчас, опомнившись и оценив промоченную древесину на берегу, поняла, сколь опрометчиво утратила присущую мне в последние две недели бережливость.

Через какое-то время в домике вновь стало тепло. Я накипятила воды, чтобы хоть как-то обмыться, что и сделала прямо на пороге, дабы не создавать дополнительной сырости в помещении. Медведи, судя по всему, времени даром не теряли, потому что недалеко от хибары валялась приличная гора пожеванной рыбы, а они бродили от нечего делать в высокой траве в облаке занудной мороси.

Отлив обнажил подводные камни и наделал луж, в которых плескалась мелкая рыбешка, попадались морские звезды и даже мидии. Но меня интересовала исключительно капуста, которой тоже было завались. Нарезав туповатым ножом длинные буро-зеленые ленты, я тщательно промыла их в ручье и унесла в дом. Спohватившись, притащила в укрытие и выброшенных на берег палок, которые должны были от печки просохнуть и стать новым топливом, потом отправилась искать нужные травы. Буйно цветущий иван-чай и дикий лук обнаружились невдалеке. Их я тоже надергала немало, что отняло последние, едва теплящиеся в теле силы.

Двигаясь как зомби, я вернулась, повесила иван-чай над печью сушиться, открыла котелок, который предусмотрительно поставила в самый холодный угол, чуть подогрела содержимое и с удовольствием, хоть и без особенного аппетита, приступила к еде. Луком я закусывала не стесняясь. В ход пошла и морская капуста. Не ощутив в первые два приема пищи особенных последствий для кишок, позволила себе налупиться до отвала. А после, не дожидаясь высыхания, пожамкала листья и цветы иван-чая и заварила их прямо в кружке.

Лежа на топчане и прихлебывая чуть золотистую жидкость со слабо выраженным вкусом — все-таки трава была не сушеной и не отдавала цвет и аромат в полной мере — я снова попыталась читать, но ничего не выходило: глаза слезились, буквы скакали, смысл написанного не доходил до постоянно отключающегося мозга. Я снова уснула, краем уха слыша, что вернулись мои друзья, повозились у дверей, заняли каждый свое место на полу и затихли.

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

После дождя непременно выходит солнце, а плохие дни сменяют хорошие. Это закон жизни. Вытягиваясь на жесткой лежанке и любуясь, как солнечный луч неспешно перемещается от угла по стене, я вновь обрела веру в благополучное завершение своего приключения.

Разумеется, я была еще очень слаба, но это не шло ни в какое сравнение с днем вчерашним. Теперь мне снова хотелось есть, исследовать окрестности, просто жить, несмотря ни на что. Медведи опять вышли на промысел, и их трудно было винить: звери в этом плане гораздо умнее людей, и упитанные бока для них благо, а не уродство невоздержанного обжоры.

Мне показалось, что зрение стало понемножку восстанавливаться. Во всяком случае, опершись о притолоку и наблюдая пейзаж, достойный кисти опытного мариниста, я отлично видела, как округлились бока и задки моих спутников. Их организмы просто всасывали все питательные вещества, нагуливая жир перед предстоящим зимовьем.

Где они будут ложиться в берлогу? Этот вопрос как-то не приходил в мою голову. Я вообще почти не думала, что будет с нашей компанией, когда мне встретятся люди, готовые вызвать помощь или отвезти меня в Город. Куда в этом случае денутся Пестик с Малышом?

Наверное, от слабости и еще не отступившей болезни в носу защипало, и мокрые горячие дорожки заструились по лицу и шее. Я что, совсем с ума сошла? Плакать о разлуке с обитателями дикой природы, когда есть шанс добраться домой, — это бред воспаленного сознания, не иначе. И вообще, еще никто никуда не дошел. Навскидку я могла установить, что по побережью до ближайшего населенного пункта не меньше пятидесяти километров. Это очень прикидочно.

На пути, на лимане, мне должны встретиться одиночные рыбаки или целые артели, так что возьмем за ориентир тридцать пять километров — расстояние вполне одолимое по хорошему отливу, как сегодня. По маршруту наверняка будут прижимы, где скалы торчат прямо из воды, а поверху их огибать долго и может оказаться очень опасно. Так что только отлив, который, по моим наблюдениям, сокращался с каждым днем, впрочем, так и должно было быть. А посему мне нужно было опять поторапливаться, чтобы завершить переход за день, это я наметила как план-максимум.

Сегодня выходить было уже очень поздно: начинался прилив. Судя по положению солнца, около трех часов дня, не меньше. Значит, завтра отлив начнется чуть

позже, но идти нужно еще по полной воде, потому что впереди просматривается отличная береговая линия без опасных выступов, которую можно штурмовать и так.

План был вполне прост и понятен. На первый взгляд он не требовал особенной подготовки, но это только на первый. Все это время в домике краболова, так его называла, я ходила босиком, потому что туристические ботинки, изуродовавшие мне ноги до неузнаваемости, вызывали отвращение почти на клеточном уровне. И вот мне снова придется надевать их и мучить пальцы до новых черных ногтей и кровавых мозолей. Это единственное, что вызывало сильный внутренний протест. Даже само осознание сложности маршрута так не пугало, как новая боль, вызванная каждым шагом. Я сожгу их, обязательно сожгу, как только представится такая возможность, и буду долго, с наслаждением смотреть, как пламя сожрет ненавистную обувь.

Стоило продумать и вопрос питания, не такой уже острый, как в предыдущие дни, но все-таки существенный. Решила я задачку просто: приготовлю гречку с тушенкой, закрою в две банки, часть ссыплю в пакет для медведей. Еще в один, большой, запихаю рыбу, которой подкормлю их в пути. У меня будут спички, печеньки, чай — я, разумеется, не пропаду. После всего — точно не завтра.

Чем ниже клонилось красное раскаленное солнце к воде, готовое в любую минуту потухнуть до следующего утра, тем сильнее обуревало внутреннее беспокойство: что ждет меня через несколько часов? Где я окажусь в конце своего перехода? Сколько преодолею километров? Хватит ли выдержки идти, несмотря на искалеченные ступни? И встречу ли наконец людей? Вопросов было так много, они жужжали в мозгу как пчелы — все сразу, назойливо и неотступно роились в пустой черепной коробке, ища выход, какое-то слабое утешение. Но утешиться было нечем.

Я снова цеплялась за призрачное жилище, снова боялась от него удалиться, хоть сейчас дом был гораздо ближе, может быть, за парой витков береговой линии. Этот психологический феномен уже не пыталась себе объяснить, потому что теперь, после того что со мной приключилось, меня трудно было назвать нормальным человеком.

Когда на побережье опустилась липкая влажная ночь, рассекаемая, как хлыстом, порывами холодного предосеннего ветра, мое беспокойство достигло апогея: все внутри ходило ходуном, сжималось, скручивало и разматывало узлы, колотилось о ребра гулким сердцебиением и волновалось тошнотой. Мои ладони постоянно увлажнялись, я замучилась тереть их о грязные штаны. Медведи тоже не находили себе места, почувствовав мою тревогу.

В итоге произошло то, чего я ждала меньше всего, сидя на высоком топчане и помахивая в воздухе голыми ногами: цокая по деревянному полу толстыми когтями, ко мне приблизился Пестик. Он шел очень медленно эти несколько шагов, без какого-то явного намерения, старший медвежонок вообще по своей воле очень редко ко мне приближался, помимо ночевки под открытым небом, когда даже ему требовалось чье-нибудь тепло. Но в этот раз, подойдя вплотную и глянув своими бусинами мне в самую душу, положил тяжеленную морду на мои колени, как делают верные псы, но никак не дикие бурые медведи.

Сглатывая комок, я просто гладила его по макушке и ушам. Мы были так близки, мне никто никогда не был ближе. И я, клянусь, никому никогда не была понятнее, даже себе.

Момент был недолог: по спине Пестуна полез Малыш, который не мог остаться в стороне от ласк, адресованных не ему. Вскоре детеныш сидел уже на голове старшего брата, который до того размяк, что и тут не возражал, хоть обычно в воспитании был строг. Я сняла бурого, мягкого и сбитенького как валенок зверен-

ка и усадила рядом, но он то и дело лез мне на колени, чуть не царапая Пестикку огромный черный подвижный нос.

В итоге Пестун ушел в свой угол, обреченно и горестно. Сердце мое чуть не лопнуло от невысказанной благодарности и стыда, что мне нечем отплатить ему за поддержку. Он, как понимающий собеседник, как друг, который чувствует твоё настроение, сокрытое за стеной невысказанных слов, сделал самую важную малость, которой мы так часто пренебрегаем — просто был рядом, не обременяя собой.

Повинуясь порыву, я подошла к нему и улеглась, спиной проторяя себе место между его лапами. Малыша подгрести также спинкой к груди, и мы трое, как и прежде, лежали, глядя, как огонь отбрасывает на пол и стенку красные сполохи, и молчали, каждый о своем.

ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Всю ночь до рассвета я пребывала в полубреду. Не понимая, где кончается сон и начинается явь, я крутилась, мычала, вскрикивала, будоража зверей, которые в тихий предрассветный час просто вышли к морю, едва слышно хлопнув дверью. Я пролежала совсем недолго, постепенно околевая от сквозняка, ошалело мечущегося по полу, и встала снова разбитой и нездоровой.

Я нервничала как в самое плохое утро перед работой, когда не могла отделаться от мыслей о неотвратимой встрече с разгневанными фигурантами очередной скандальной статьи. Я всегда была журналистом-правдоискателем и постоянно платила своими нервами за жажду восстановления справедливости. Живи как все — разумно советовал внутренний голос, когда меня находила очередная перчатая история, в которой непременно, как по Куваеву, нужно было искоренить зло на земле честной работой. Пера в моем случае.

Но как все я не могла, покуда были несправедливо обиженные, маленькие люди перед лицом неотвратимых обстоятельств. Сотни раз перепроверяя каждый факт, роясь в закоулках памяти и десятках диктофонных записей, я сводила риски к минимуму, а после, хоть была на сто один процент уверена в своей правоте, ждала последствий, и они не заставляли себя долго ждать. В такие дни, заканчивающиеся бессонными ночами, я давала себе зарок никогда больше не ввязываться в неравный бой за справедливость и всякий раз, переживая худшие в жизни часы, наполненные муками неизвестности, влезала в очередную историю. Характер не сломать. И голос, что кричит изнутри, не заткнуть. Мы все для чего-то рождены, мы несем какую-то, может быть, неочевидную, но абсолютно определенную функцию.

Приближалась моя прежняя жизнь, как будто пластинка сделала круг, возвращая иглу на начало, и оттого былые мысли, чувства и воспоминания стали пробиваться через мрак забвения к свету. Уже возвращались первые ощущения, страхи, тревоги, этот вечный дискомфорт, который преследует всякого, живущего в обществе. Я еще была далеко от людей, но мне уже не было покоя.

Отлив едва начался, по всей видимости, было еще очень рано, но я уже приготавливалась. Медведи, судя по всему еще вчера, накидали рыбу в траву и теперь с аппетитом ее доедали, омрачая медленно, но верно рождающийся день тошнотворным смрадом полежалой лососины. Бурые любят тухлятину, для них это деликатес. Пусть едят сколько влезет, мысленно разрешила я, ведь у нас впереди маячил очень тяжелый маршрут, о котором, к счастью, они не догадывались.

Самым сложным оказалось надеть туристические ботинки. Внутри они огрубели от запекшейся крови, которую в ручье качественно смыть не удалось. Первые

шаги в этих кандалах прокатились по телу волнами новой и новой боли, но через какое-то время она притупилась. Домик еще не скрылся из виду. И до тех пор я то и дело оглядывалась, силясь не дать волю чувствам.

Медведи стояли на берегу прямо у кромки соленой воды где-то между хлипким строением и источником пресной воды, недоумевая взглядами, зачем уходить из такого чудесного места: море рыбы, тепло очага, крыша над головой, ручей, ягоды на склоне — это же просто рай. Я удалялась, а они не решались переступить бурливый ручеек, все еще надеясь на мое возвращение.

Слезы опять без стеснения текли по лицу. Я ненавидела себя, я была в отчаянии и страхе. До людей объективно недалеко, в крайнем случае от них меня отделяет какая-то ночь. И самым логичным вариантом будет уйти без них, потому что они дикие звери в своей стихии и для меня сделали гораздо больше, чем я того заслужила. Они просто меня полюбили. А я полюбила их. Но час расставанья придет, если не сейчас, то очень и очень скоро. Так пусть они лучше останутся здесь, где им все знакомо и где хоть что-то, пусть малость, напоминает им обо мне. Я буду совсем далеко, а они, открывая дверцу в наш с ними маленький мирок, вдруг почувствуют, что я где-то рядом. Может быть, пришло время их отпустить...

Берег заходил за скалистый выступ, сверху поросший мхом и какой-то хилой травой. Еще секунда и я больше их не увижу.

— Мааааааааааааааааа, — рев ощутила сперва моя спина, об нее ударились мощные вибрации, разлетаясь о скалы и падая далеко в море. Это кричал Пестун. Впервые после смерти его матери я слышала этот душераздирающий рев могучего, сильного зверя, у которого будто бы на живую рвали сердце.

Через считанные секунды в ноги мне впились острые иголки. Маленькие бурые лапы с острыми длинными коготками ухватили сразу две, сковывая движения. Малыш повис на мне как обезьяна, издавая такое разнообразие звуков, на какое способен скорее ребенок, чем зверь. Я схватила его и прижала к себе. В тот же миг что-то шибануло в бок: на меня с разгона налетел Пестик, повалил на гальку, упал сверху, сгребая лапами, покусывая — кстати, весьма ощутимо — за локти и плечи, облюновывивая все на свете. Мы будто не виделись целую вечность, а не разошлись на двадцать минут.

И я поняла, что дальнейший путь мой без них был бы невозможен, потому что лишался всякого смысла. Я шла теперь, как это ни парадоксально, не в Город от места предполагаемого крушения вертолета, а просто со своими медведями. Как будто так всегда и было: ветер, море, облака, чайки, соленый воздух, отвесные скалы, огромные камни, запах йода, осклизлая морская капуста, желеино-белые медузы и три живых существа, бредущих по широкой кромке берега, словно пьяные.

...Через несколько часов, когда отлив почти достиг предела, я столкнулась с тем, чего боялась больше всего: могучая неприступная скала упиралась одним краем в самое море, но расщеплялась с другой стороны резким, как удар топора, разломом, на дне которого уместились крупные камни. Если не поверху, то идти нужно было именно там, так как со стороны моря было порядком до дна, мне по пояс. А еще останавливали рюкзак и Малыш, отпускать которого вплавь я не осмелилась бы. Сейчас риск был неоправдан.

Лезть между камнями для косолапых было ничуть не проще, но я не могла объяснить Пестуну, что проташу Малыша на руках, а он мог бы и переплыть, как обладатель толстых лап и слоя подкожного жира. Поэтому он, кряхтя и порывая, шел следом, карабкаясь на валуны как макака, смешно, если б не обстоятельства, перебирая задними лапами в воздухе, когда висел на передних. Со своими хилыми силенками я еще пыталась подтолкнуть его, иногда получалось, но чаще он справлялся самостоятельно. Мне хватало проблем с младшим, который, даже

если мог, отказывался идти по опасным валунистым участкам. А еще его пугало создаваемое нашими движениями эхо и отголоски криков пернатых, орущих на птичьем базаре где-то в вышине.

Чтобы преодолеть этот стометровый участок, у нас ушло не менее часа. Я потратила невероятно много сил, накопленных за предыдущие дни во время болезни, не в таком, как хотелось, количестве. Взяв барьер и наблюдая застенчивое солнце, показавшее пару лучиков из-за фиолетово-серых облаков, я достала из рюкзака провиант и, как и рассчитала, отдала почти все медведям. Они заслужили. И пока мы на берегу, мне не о чем волноваться: они найдут себе пропитание. Путина — самое время нагуливать жир перед спячкой.

Аппетита совсем не было, нервы натянулись тетивой за секунду до пуска стрелы, я все время чего-то ждала. Чего-то непредсказуемо плохого, хоть вряд ли это способно было удивить меня больше уже пережитого. Наверное, голодание, стресс, физическое изнурение окончательно лишили разум равновесия и возможности абстрагироваться от внешних раздражителей. Я ковыряла свою порцию гречки с тушенкой, как-то вяло жевала пищу, постоянно вглядываясь в прибрежную черту, которая вновь на какое-то время расчистилась от преград.

Пестик с Малышом, радуясь редкому солнечному лучику, валялись на гальке, подставляя ему поочередно бока, спины и животы. Как же прекрасны и самобытны они были на этом берегу, как гармоничны и безмятежны. Простые радости безыскусных желаний. На их мордах читалось столь очевидное счастье от сытого обеда и нахождения рядом с близкими по духу, отсутствия опасности и необходимости преодолевать невзгоды.

А разве мы, люди, не таковы? Нам кажется, мы разумнее и оттого сложнее, но что доставляет нам истинную радость? Дом, где тепло, люди, с которыми легко, сытный стол, полноценный отдых, внимание и любовь. Теперь я уже не видела граней.

Могу ли вспомнить точный час, когда в последний раз радовалась солнцу? Когда оно целовало мои глаза и наполняло их внутренним светом, который потом хотелось кому-то отдать? Это было в тот самый день. Кажется, в первый и последний раз. В день, когда мы стояли с ним у реки. И все еще казалось возможным. И пропасть между нами была всего лишь едва различимой трещиной. Я могла протянуть к нему руку и почувствовать под пальцами грубую щетину и мягкий абрис капризных губ плохого мальчика. Но не решилась. Этот миг был так далек от меня теперешней, что сама возможность каких-то чувств к мужчине казалась всего лишь игрой воображения в этом белопенном шуме прибоя, когда рядом копошились пахнущие псиной медведи.

Мы тронулись, не сговариваясь, как будто уловив общий импульс. Светло обещало быть еще часа три, не больше. Смена времени суток перестала меня тревожить. Это была просто неизбежная констатация факта, что вскоре очередной день свое доживет и окажется отодвинутым в замшелый угол памяти свежим и юным, который состарится быстро и в свой срок. Круговорот бездарно растрачиваемых монет нашей повседневности, на которые никто не вернет на сдачу даже мелочи нескольких секунд.

Слушая сонату северного моря, двигаясь болезненными, чуть заторможенными от усталости шагами, поглядывая боковым зрением, как, оставляя носом мокрые следы на белых круглых камнях, выискивает съестное Пестик и бестолково трусит следом, повторяя каждое его движение, Малыш, я наконец поняла, чего лишилась, что стерла из своих дней — скуку. Мои городские будни были насыщены хлопотами, рутиной с редкими, яркими пятнышками новизны, но зачастую, чтобы наполнить себя жизнью, я погружалась в ржавую тоску однообразных событий.

А здесь, среди похожих пейзажей и вязко текущих дней, я, как никогда прежде, ощущала пульс планеты, подземные толчки новых, неизведанных переживаний, которые коренились исключительно во мне самой — зрели и прорастали сочной молодой листвой, казалось бы, давно мертвых деревьев.

Я родилась в тот день, когда для всех меня не стало. И получилась я из шелеста ветра, оглаживающего горные хребты, рокота падающих в реку камней, тонкого воинственного крика бурундуков, защищающих схроны шишек, росамахи, крадущейся по следам добычи, кисловато-пряного вкуса созревающей на склонах сопки брусники, аромата кустов жимолости и трех медведей, невольно выпестовавших мое мучительное перерождение.

Ушедшее за воду солнце давало небу последние ярко-розовые краски, разбавляемые пепельной серостью облаков и небесной синью, готовой вскоре смениться черным полотном, прожженным миллионами микроскопических угольков. Еще чуть-чуть — и встанет звездный мост во весь купол: от меня до самого дома и даже дальше.

Медведям плевать на звезды — они непрактичны, от них нет пользы, они не влияют на их жизнь. Но я в этот вечер с особенным нетерпением ждала появления ночных светил. Может быть, это отвлекало от множества мыслей. О доме, о маме, о нескончаемом месиве боли в ступнях, об иссушающей мышцы усталости, о близкой встрече с себе подобными. Я кожей чувствовала, что они где-то недалеко.

Поэтому, когда вдали мелькнул словно свечной язычок оранжевый сполох, я даже не удивилась, будто мне снова семнадцать и мы с классом уговорились встречать рассвет после выпускного на море. Это, безо всякого сомнения, были люди, которые развели высоченный костер. Идти до них не более полутора часов. Вот он и конец.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ

Полтора часа растянулись в три, а костер бликовал еще далеко. Он очевидно приблизился, но препятствия, которые поджидали впотьмах, стали ни на что не похожим испытанием. Был полный прилив, скрывший скользкие камни, обмотанные водорослями и морской капустой. Я шла упрямо, больше не боясь измочиться. Вокруг царил темнота, но все вокруг вибрировало от моего нетерпения. Я теряла медведей в этом сумраке, но не ждала, хоть им было трудно за мной поспевать, особенно Малышу.

В конечном счете, трижды ударившись о валуны, я невероятным усилием приказала себе успокоиться. Если люди здесь, никуда они уже не денутся. Во всяком случае, не в ближайшие несколько часов, что оставались до бледного сонного утра.

Малыш стонал почти как человек, упрасывая взять его на руки, но я не могла нести его. Пестик несколько раз сильно отставал, но потом догонял нас, демонстрируя полнейшее неприятие спешки. Он, казалось, перестал меня понимать в тот самый миг, когда я решила покинуть насиженное рыбное место. Медведи, говорила всю дорогу его квадратная морда, так не поступают. Сразу видно, что ты — не мы. Я готова была поклясться, что, если бы не Малыш, который плелся за мной как привязанный, Пестик давно бы развернулся и пошел обратно, ни на секунду не усомнившись в правильности своего решения.

Усталость сбивала с ног. Действуя на чистом адреналине, я больше не могла поддерживать энтузиазмом иссякающие силы организма. Но неожиданно, когда с трудом протиснулась между двумя валунами, открывая себе обзор на ближайшие полкилометра, костровище, порядком притухшее, очутилось прямехонько под

ногами. Мне оно казалось дальше именно из-за того, что огонь никто не поддерживал, и он слабел с каждой минутой.

Приглядевшись, я увидела в небольшой лагуне, если это название применимо к морю, омывающему южную часть Территории, домишко, чуть больше моего прежнего, но такой же наспех собранный из подручных материалов и убогий. Оттуда, перебивая пение волн, доносились... человеческие голоса.

Я верила и не верила. Это больше походило на очередную слуховую галлюцинацию, теперь еще и сопровождавшуюся зрительной. Только подойдя к сооружению вплотную, я испугалась: а как находящиеся внутри люди отнесутся к неожиданным ночным визитерам?

Прислушавшись, уловила пьяный мат. Мужчины, их было минимум двое, что-то орали, перекрикивая друг друга. Речь их была несвязной, а выражения омерзительными что по форме, что по сути, и я... отступила в темноту, туда, где ждали взволнованные медведи. Только взглядевшись в их морды, которые кутала серой шалью предрассветная мгла, осознала опасность, которая грозит им рядом с другими людьми.

В нерешительности я села у выдыхающегося огня, дав ему пищи из сухих веток, что небольшой горкой лежали невдалеке. Костер сыто растрещался. Мои веки тут же отяжелели. Много часов без сна, чудовищно сложный маршрут. Я больше не могла бодрствовать. Но оставаться на этом месте было небезопасно. Взяв горящее бревнышко и несколько нетронутых пламенем, я пошла назад за скалу, проход в которой только что штурмовала из последних сил. Прodelать все в обратном порядке уже не было сил, поэтому просто укрылась за камнями, распалила костер, чтобы хоть как-то греться в этой холодной ветреной влаге. Мишки заняли свои обычные места по обе от меня стороны, ворча и толкаясь, и мы в ту же секунду провалились в сон, будто кто-то выключил свет.

...Почему кричат? Кто? Зачем? Еще так рано! Опять эти соседи и их пьяные разборки, запутанные перипетии любовных многоугольников, в которые ты поневоле становишься втянут...

— Тварь! Пошел вон!

Я подскочила еще до того, как окончательно открыла глаза. Рядом никого не было. Но волновало присутствие вопящего человека. Откуда люди? Где я? Это все еще побережье. А вчера... Я ведь... набрела на людей! Пестик?! Малыш!!!

Очень давно я не чувствовала такой прилив сил, такую легкость и несокрушимую мощь собственного тела. Выпрыгнув из-за камней озверелой рысью, я увидела, как какой-то тощий мужик машет горячей палкой... перед мордой Пестика, а Малыш пятится к камням, вопя во всю глотку.

— Пошел ты на... Михалыч, где нож?! Тащи, мать твою, что угодно!! Быром, тебе говорю!

Я заорала, не уступая по силе голоса матери-медведице, и безотчетно метнула в худощавого круглый белый камень, с удивительной точностью угодив ему в плечо. От неожиданности и испуга он выронил огарок, вылупившись на меня с нескрываемым ужасом, будто перед ним стоял восставший из могилы мертвец, который и выглядел соответственно.

— Мать твою! Е...ный Папенгут! Это что?! — он так вопил, что тот, кого, видимо, звали Михалычем, бросил поиск оружия по борьбе с медведем и показался из дверей хибары.

— Едрит-гидроперит! Баба!

Между тем, подобно матери, готовой погибнуть за ребенка, я встала перед вздыбившимся Пестуном, который (я боялась этого больше всего) захочет кинуться на вопящего мужика, и это очень плохо для кого-нибудь кончится.

Пестик старался обогнуть меня, вероятно, тоже для того, чтобы защитить, но я не давала, выставив сзади ладони, которыми ловила его морду, не сводя глаз с поверженного долговязого рыбака.

Михалыч образовался за ним, так и лежащим в ужасе на гальке, осторожно, будто не медведь, а я была их главным врагом на этом пустынном берегу.

— Бабонька, милая, ты откеля взялася? — в его говоре слышался явный украинский акцент.

В последнее время на Территорию едет много гастарбайтеров из бывших союзных республик. Их кидают на деньги, изнуряют самой тяжелой и низкооплачиваемой работой, а они — целыми самолетами — тут как тут. Этих местные подпольные рыбные короли, видимо, наняли для браконьерского лова.

— Он тя щас от макушки распорет! — подал дрожащий голос с земли долговязый.

Мужчины были настолько напуганы, что, если б не ситуация, я бы рассмеялась. Сильный пол. А как бы они отреагировали на необходимость забирать у их мамыши, царствие ей медвежье, собственный рюкзак? Или драться с огромным самцом? Я жалела их невинный ужас, их слабость.

— Вызовите МЧС! — это единственное, что удалось выдать. От долгого молчания голос был неродным, скрипучим, несмазанным, каким-то заскорузлым.

— А у нас телефона нету! — растерянность старшего по возрасту Михалыча была мне невыносима. Как эти придурки сидели на берегу без средств связи? — Вечером должны за... кое за чем подъехать. Тогда только сможем передать.

— Так уж и говорите: за икрой и крабами, — я понимала, что им проще никому не говорить о нашей встрече, чем обнаружить место теневого лова. В открытых дверях мелькнуло шесть куботейнеров, полных чего-то темного, — лососевой икры или крабового мяса.

Я снова была в опасности. Они не местные. Всего боятся, особенно правоохранителей. Им проще пришить хилую бабу, чем раскрыть по своей глупости всю цепочку от промысла до сбыта. Это ж такие деньги! Люди за сезон покупают хоромы в Питере и Москве.

— У тебя жена есть? — обратилась я к Михалычу, обладателю доброго, но какого-то опустившегося лица. Тот нервно кивнул. — Представь, что это она вывалилась из падающего вертолета и выбиралась одна без еды и спичек через сопки.

Если б я не была уверена, что он знает русский, могла поклясться, что Михалыч не понял ни слова.

— Скажи тому, кто за вами придет, если он северянин, если человек, пусть свяжется по рации со спасателями и передаст, что катался на катере и увидел какую-то женщину на безлюдном берегу с двумя медведями. Жри землю, что скажешь!

Мои уродливые, грязные, узловатые пальцы держали его плечо. За спиной на одной ноте рычал Пестик, при этом замерев, как статуя. На него, не меняя позы, все так же в ужасе смотрел второй рыбак. Малыш от испуга не подходил, но орал уже не так истошно.

Я молча повернулась, взяла Пестуна за морду и подтолкнула к камням, где трясся мелкий. Потом с огромным усилием подняла того на руки, дошла до места, где оставила рюкзак, навьючилась и крикнула рыбакам, чтоб они ушли в домик и дали нам дорогу. Остаться здесь было ни к чему — эти двое мне не помогут. А становиться свидетелем их браконьерства я не хотела. Мало ли кем окажется тот третий, и что он решит с нами сделать, когда причалит к берегу и поймет, что у их далеко не невинного занятия нашлись свидетели. Уж лучше идти.

Мы брели как-то оглушенно, утратив гармонию минувших дней. Нам будто сказали друг про друга нечто нехорошее. Особенно гадко было на душе, хотя и

Пестик не выглядел беззаботным. Встреча с людьми была для меня самоцелью, казалось, тогда все проблемы будут решены. Но реальность, как обычно, подсунула новый неожиданный поворот.

Нам нужно было что-то поесть, например, мои печенья. Но сделать это могли не раньше, чем через какое-то расстояние, когда я получила бы возможность убедиться, что те двое не идут за мной, чтобы прирезать в кустах и решить таким образом внезапно возникшую проблему. Никому ничего не надо передавать и бояться потом, что их шайку накроют. Чем больше об этом думала, тем сильнее злилась и внутренне дрожала, ненавидя ту минуту, когда узрела вдали пламя их костра и опрометчиво понадеялась на помощь.

Едва укрепившееся на небосводе солнце, как это часто бывает на Территории, резко затянули рваные подушки из туч. Похолодало. Вмиг налетел северо-восточный ветер, пронзающий до костей. Усложнился ландшафт, заморосило, и все сделалось каким-то серым и безысходным.

Нет никакого дома. И города нет. Нет людей. Это мне померещилось. Я одна в целом мире. А он — это море и бесконечная извилистая береговая линия, ведущая в никуда. Я буду идти и в конечном счете почти наверняка приду туда, откуда начала. Это кольцевая композиция. Из глины вышли, в глину войдем. И медведи тоже мерещатся мне. Подсознание подсунуло их, чтобы я окончательно не свихнулась в этом однообразии. Может быть, это ад? Вечное движение по кругу, преодоление нескончаемых трудностей, которое ни к чему не ведет?

Я упала. Не из-за своих мыслей, а благодаря им. Отвлеклась, прикрыла глаза, тяжело моргая, и не увидела бревно. Было больно. Из коленки бежала кровь через черную грязную ткань прямо на белые круглые камни. Меня накрыла апатия. Не знаю, что двигало медведями, но они только и ждали, чтобы лечь рядом и, сложив морды на лапы, как преданные дворовые псы, смотреть вдаль умными черными глазами.

Мне уже не было холодно. Если сутками ранее голову снова стали занимать безыскусные думы о питании и даже воспоминания о работе в газете, то теперь все внутри охватило какое-то пугающее опустошение. Мне действительно, по-настоящему, было все равно, выживу я или умру. И незачем больше куда-то идти. И совсем уже не больно.

...Все болело, значит, я была еще жива. Только ноги и руки не гнулись от холода. Поодаль Пестун ловил в море рыбу, и дело, видимо, двигалось не ахти. Но что-то с Малышом они все же поели. Не сразу поняла, что уже стемнело. Да это и не имело особого значения. Больше мне никуда не надо.

Эта мысль принесла невероятное облегчение. Я вспомнила каникулы. Мне где-то лет одиннадцать, и мама с зарплаты в честь хорошо оконченного учебного года купила детский детектив. Я лежу на своей большой кровати в самой чудесной в мире комнате, жадно и расточительно глотая страницу за страницей, уношусь по волнам головокружительных приключений, сладостно осознавая, что больше никакой школы — до самого сентября. Можно вообще ничего не делать, только читать дни и ночи напролет. Фантомное счастье, призрак того, прошедшего, потекло по моим венам вместо крови, оставляя сладкие золотые дорожки под кожей. Прости меня, мама...

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Какой-то звук, резкий, нехарактерный, настойчивый, как басы из соседских колонок в ночной тишине, выплеснул меня из лодки самых упоительных воспоминаний, которые ленивой рекой текли перед мысленным взором, будто я, никуда

не торопясь, смотрела длинное кино, смонтированное из лучших моментов моей жизни, не такой уж долгой и ничем не примечательной для посторонних.

Чьи-то сильные руки перевернули меня, пальцы прошлись по щекам и векам, слегка тряхнули голову... Не будите... Не надо.

— Ну давай, милая, давай, ты же живая еще! — приятный голос, которым бы озвучивать в фильмах похитителей дамских сердец, ласкал ухо, давно не слышавшее ничего, кроме шума прибора и сотни интонаций медвежьего рыка и рева. — Давай, Спящая Красавица, открой глазки...

Даже если б была мертва, я не смогла бы его послушаться, только бы посмотреть, как выглядит обладатель самого роскошного голоса на земле, и можно на небо...

— Ну слава богу! Живая! — от его улыбки можно было зажечь потухшее солнце. Сильные, ласковые руки держали мою голову с салными, торчащими соломой во все стороны патлами. Какой ужас! Жалко он не видел меня раньше, в том мятном платье...

Руки подхватили без всяких усилий и закружили. Так в последний раз сделал Алик на ступенях загса, но не пробудил и сотой доли эмоций, что сейчас ревели и клекотали, запертые в обессилевшем марионеточном теле.

Только когда меня положили на что-то мягкое, я поняла, что покачиваюсь в катере на волнах северного моря неизвестно по каким координатам в богом забытом медвежьем углу. Медведи...

Я подняла голову и увидела, как у самой кромки воды сидит Малыш, безмолвный и обреченный, уже наученный обстоятельствами не издавать ни звука. В этот предрасветный час его, какого-то статуэтчного, легко можно было принять за корягу. Пестуна нигде не было. Возможно, он отдыхал в кустах, утратив после встречи с рыбаками невидимую связь со мной и внутреннюю необходимость быть рядом.

Катер с еще не заведенным мотором по инерции медленно, но верно отходил от берега, от моих зверей, от того, что миг за мигом бесповоротно становилось прошлым.

И тут, за пару мгновений до того, как взреть движку, из перелеска вышел Пестун и посмотрел куда-то вглубь меня, хотя, по правде сказать, я вряд ли могла видеть его глаза. Но два жгучих луча от его черных блестящих жемчужин, как трассирующие пули, прошли меня в самое сердце, нанеся боль, какую не смогла вся совокупность обстоятельств последнего полугода. Еще не поняв, что творю, я перекатилась через борт и рухнула кулем в воду.

Дна не было. Черная обмораживающая глубина хранила свои соленые тайны. Спасатели пытались поймать меня за шиворот, но я так неистово была конечностями, вследствие чего даже куда-то плыла, что им потребовалось время на принятие решения. А с берега ко мне уже плыл... мой Пестик.

— Медведь! — орали спасатели.

— Пестик! — неистовствовала я из воды, гребя что есть мочи. Через минуту мы были рядом. Я вцепилась в его могучую шею, он кое-как развернулся и погреб мощными толчками всех четырех лап, попинывая меня под водой. В море бросился Малыш, который не заходил дальше, чем вода оказывалась ему по животик. Теперь и он наворачивал что есть сил, и только в эти минуты перестал голосить. Оказывается, как только я грохнулась за борт, он взревел, будто ждал этого, как сигнала к включению sireны.

— Девушка, вы куда? — кричали мне в спину спасатели. — Вы что творите? Вам в больницу надо!

Добравшись до берега, я припала к мокрым камням, которые неспешно лизали сонные гребешки волн. Пестик сгреб меня и кусал мне затылок, плечи, рыча как

кот над куском свежей рыбы, Малыш топтался по лопаткам, вбивая хилую грудь в острые булыжники.

Ребята на катере старались пристать как можно ближе, не рискуя сойти на берег в опасной близости от хищников.

— С вами все в порядке? Вас там не едят? — вопрос казался смешным и глупым, и я действительно смеялась, что больше было похоже на вороний хриплый крик.

— Так что делать будем? — властно прокричал с борта, видимо, тот, который был главным. — Вы чего сиганули-то? Дама, ответьте!

Я обливалась слезами радости, держа морду обеими руками и глядя в темные демонические глаза своего Пестуна. Меж тем Малыш от счастья кусал мою разбитую в кровь еще накануне коленку. Пришлось встать, несмотря на пульсацию крови в висках, чудовищную слабость доматываемого непосильной активностью тела и шум в ушах.

— Ребята, я без них не могу!.. — это была чистая правда. — Не могу их оставить. Они без меня пропадут!

Обладатель обалденного голоса, его теперь я бы узнала из тысячи, что-то сказал старшему по званию, и тот нехотя кивнул. Катер еще чуть приблизился, что было возможно исключительно из-за отсутствия волны.

— Мы вас тут не оставим, вы нездоровы! Вы погибнете! Девушка, слышите меня? — старший был раздосадован. Чтобы дойти до этой точки, они проделали долгий путь и рассчитывали на все что угодно, но только не на ожесточенное сопротивление потерпевшей.

— Я все понимаю, но не брошу их. Как хотите... — не было слов, простых и точных, чтобы так вот сразу объяснить здоровым мужикам в форменных куртках, какой в этом всем смысл.

— Я иду к вам, — это был уже тот самый, с голосом. — Звери ваши не бросятся? — он пытался говорить беззаботно, но надтреснутым фа слышалось беспокойство, которое спасатель, как мог, пытался скрыть.

Пестик зарычал, Малыш последовал его примеру, когда парень, еще стоя в воде, оказался от нас метрах в десяти.

— Вы из того вертолета? — он спрашивал и не верил в утвердительный ответ. Я лишь кивнула. Да какая теперь разница. Это все было тысячу лет назад. — Господи боже! Это ж далеко как! Что нам для вас сделать?

— Решите с местом, где медведи будут в безопасности и куда я смогу к ним приходиться... — не в силах сидеть, я легла, опершись на лапы Пестуна, который все это время был позади, отодвинутый моей рукой, и еще рычал, не обнаруживая тем не менее желания приблизиться к неизвестному субъекту, стоящему в море.

— Это нереально! — красивый голос разбавило раздраженное нетерпение, что, объективно говоря, его ничуть не испортило, но смазало впечатление от его обладателя. — Девушка, как вас, Аня, так ведь? Анюта, вы здесь погибнете с этими зверями. Давайте мы вас заберем, а за ними пришлем кого-нибудь через пару дней...

Он говорил и сам не верил сказанному. Кого на Территории интересуют медведи, которые терроризируют людей на каждой сопке? Кто ими вообще станет заниматься, тратить время и деньги? Они ведь так и будут сидеть на этом берегу и ждать моего возвращения. Малыш поревет, а потом заплачет, совсем как маленький мальчик, которым, по сути, и является, потеряв уже вторую маму.

Да кем я смогу считать себя, если так поступлю с ними? Они были рядом, разделили все, что не вынес бы ни один близкий друг. Грели, когда было холодно, спасали от голода, делясь последним, тащили из водопада. Мы вместе отбивались от медведя, встали единым фронтом против волка, штурмовали реки, катились с горы, ночевали под звездами. Мы просто любили друг друга. И это не могла раз-

рушить необходимость в какой-то там медпомощи. Она давно опоздала. А мертвую душу никакой таблеткой уже не воскресишь.

— Я остаюсь. Свяжитесь с местным заповедником, с депутатами, с моими коллегами. Найдите выход! Я уеду отсюда только вместе с ними!

Мы буравили друг друга тяжелыми взглядами. Только теперь я смогла в деталях рассмотреть его лицо. Глубокие темные глаза. Тонкий прямой нос и родинка на щеке. Четко очерченные упрямые губы. Квадратный подбородок. Красивый.

— Давайте я вас осматрю. — Он хотел приблизиться, но Пестун рванулся вперед как дикий. Ну да. Он таким и был. Спасатель отскочил в воду.

— Уезжайте! Я дождусь.

Ребятам ничего не оставалось, как дернуть мотор, предварительно кинув на берег какой-то кулек, с которым они еще с пару минут повозились в катере. Внутри было два пледа, зажигалка и запечатанная упаковка мягких баранок.

Они ушли в алый горизонт, оставив за собой дорожку из белой пены. А я долго смотрела в ту точку, где еще какое-то время назад чернел мушкой катер. Все стихло, будто ничего и не было. Мы снова остались втроем. Дикие звери на лоне дикой природы, предоставленные сами себе первобытные обитатели Территории.

Я, стащив с себя мокрое и разведя костер, для которого все валялось буквально под ногами, пиялилась на горизонт, поедая баранки, не в силах согреть себе чаю, ведь пресную воду надо было еще поискать. Медведи снова ловили рыбу. Только теперь Пестику помогал еще и Малыш, резвым котом набрасывавшийся на подводную добычу.

Изредка фрагменты жирных лососей летели на берег — видимо, мне. Но шевелиться, производить вообще какие-то движения, кроме жевательных, не хотелось. Моей маме скажут, что я жива. Об остальном можно не волноваться.

В какой-то миг звуки ветра и моря сплелись в причудливую сонату, потом, буквально оглушая, растворились как в этой белой пене, что лизала мне ноги, унося все печали, вымывая все, что было со мной за эти двадцать с лишним дней и много-премного предыдущих — плохих и не очень.

А после звуки смолкли, но я не осознавала, что это произошло — я будто летела в сантиметре от воды, как в невидимом шаре. И мне открывались простые истины, и я постигала себя и через себя все сущее. Я говорила и говорила спасибо за то, что это случилось. Теперь готова была умереть, потому что познала любовь и страх смерти, через который смогла переступить ради любви. Я жила не зря, сколько и было той жизни. Мое сердце стало безмерным пульсирующим сосудом, вместившим столько всяких эмоций, переживаний, что хватило бы на десятерых. Оно переродилось.

Я скользила над водой и видела, как глупо растратила последние пять лет в попытках создать что-то из ничего. Алик не был ни хорошим, ни плохим, он просто был чьим-то чужим человеком. Кто-то ждал именно его, а из-за меня, из-за этого неоправданно глупого выбора, их встреча отсрочилась. А состоится ли она теперь, когда момент упущен?

Никогда еще я не смотрела на человеческие отношения с этой точки зрения. Между тем, сколько из нас занимают в чьей-то жизни действительно свое место.

Сколько девчонок и ребят не доживают до возраста, когда могут создать пару. А ведь вторая половина для них рождена, она где-то есть. И, получается, этот человек заведомо обречен на одиночество или на то, чтобы занять чье-то, но явно не свое место. Итог один — впустую потраченные годы и жизненные силы, которых потом на поиск своего человека уже не остается.

И живем вполсилы, и любим на малых оборотах, упрямо ждем следующий день, будто сегодня только учимся по прописи, а завтра будет набело, настоящим

пером и без промокашки. А ведь завтра может не наступить. Сидя на берегу лицом на закат, я точно знала, что поступила правильно. Что мой урок еще не до конца пройден. И только от этого финального теста зависит, усвоила я его или прогуляла.

А еще, если бы не нездоровье, не потребность в отдыхе и медпомощи, я хотела бы сидеть так вот всю оставшуюся жизнь, глядя, как солнце клонит сонную голову на плечи гор, как мои медведи копошатся в прибрежной пене, слушать сказки хвойно-соленого ветра и пропускать через себя Вселенную, такую щедрую в последние дни на науку. Это невозможно, но я бы хотела.

Сон пришел незаметно, будто мама подоткнула одеяльце и коснулась щеки самыми нежными в мире пальцами. Грани стерлись. Весь окружающий мир стал мне домом, и я уже не понимала, как жила без него, почему пряталась за стекло и бетон от всей этой красоты, от свободы, сознательно заточала себя в тюрьму, чтобы не просто чувствовать ее, а купаться в своей неволе.

Как может быть уютной постель, когда вокруг не спорят друг с дружкой прибой и ветер, не трещит и не стреляет, чихая искрами, костер, не возьется перед ночлегом медведи, не переговариваются птицы, не дышит планета?..

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Будто кузнецик расстрекотался в ночной тиши. Такой неприятно, болезненно знакомый звук... Что это? Откуда?..

Галька до выемок набила спину, но это утреннее ощущение стало уже привычным. И дело было не в нем. Вместо серого северного неба, открывающего врата в осень, надо мной могучими лопастями взбивал облака... вертолет. На секунду показалось, что это машина медицины катастроф, которая нигде не упала, а, доставив маленького пациента в Город, прилетела мне на выручку. Только сфокусировавшись, увидела надпись «МЧС России» по борту. Как же я ее ждала в самые тяжелые моменты своей жизни! И как теперь мне было на все это плевать.

Вертолет долго мостился на береговую линию — минут пять. В итоге сел на самом широком участке, покрутившись как привередливый кот в лотке. Я наблюдала за опасными маневрами железной птички, будто это автомобиль парковался в моем дворе. Только когда колеса коснулись гальки, буквально подскочила от мысли, что все это время не видела медведей!

А их и вправду не было. Ничто на берегу не говорило о том, где они спали и в какой момент удалились. Ни рыбы, ни их самих. Сердце стучало как оркестровый барабан во время кульминации греческой трагедии, мысли путались, руки тряслись, потели ладони. Я поняла, что сейчас будет: здоровые обученные мужики впихнут меня в вертушку и слушать ни о каких медвежатах не станут, облегченно вздохнув, что это уже не их проблема.

Нет! Только не это!! Меж тем распахнулась дверца, из салона показался громадный дядька в форменной куртке. На мое счастье, между нами было не меньше ста метров, поэтому я стартанула, сколько было сил, в сторону леса, ведь мои звери, если они не ушли, во что я просто отказывалась верить, могли быть только там — в траве, в кустах.

Сзади мне что-то кричали, да оно и понятно: наверняка вчерашняя группа предупредила сегодняшнюю, что я непредсказуема и одержима. У меня есть маленькая фора, я должна, должна бежать!..

Подлесок был темен и густ. Кусты, высоченная мятая трава, березки, ольховник. Значит, они здесь были, больше вывалить все вокруг было некому. Силась

уловить траекторию их перемещений, я ломанула вглубь этого бурелома, на бегу оглядываясь с риском нанизаться на ветку глазом. Где же вы, где?!

— Малыш!!!!!!! Пестиинииииик!!! — то был не человек, а желчная ворона, надрывно каркающая с самого высокого дерева. С таким голосом самое лучшее — это молчать. Я так уже от него отвыкла.

На миг я замерла, вслушиваясь, вглядываясь, внюхиваясь. Где вы, где?! Сзади трещали ветки и слышались голоса. Они шли по моему следу! Сил совсем не было, я отдавала медведям последние.

— Где выыыыыыыы?!!?!!!!! Идите ко мне! Ко мне... Малыыыыыыыш!!!!

Шаги становились все ближе, а дорожка из мятой травы и поломанных веток шла в противоположную сторону. Я нашла, нашла звериную тропу! Теперь по ней, не сбавлять хода!! Казалось, я неслась, на самом же деле едва переставляла ноги. Уже виделось, как тропа сворачивает по руслу пересохшего ручья, но в этот миг меня резко дернули за плечи. Впереди мелькнули тощие палки ног в нелепых туристических ботинках, и я повалилась назад, в чьи-то руки.

— Она здесь! — гавкнул бас. — Поймал!

Нееееет!!! Я не могу сейчас сдаться! Где вы?! Гдеееееееее!!!!

Видимо, я так орала и даже пыталась драться, что громиле в форме ничего не оставалось, как скрутить меня каким-то приемом на глазах у обескураженных коллег — кажется, их было еще двое — и закинуть на могучее плечо, куда я поместилась, как на спинку кресла. Не тратя времени на беседы, он пошел в сторону моря, а я только выла, как раненое животное, и даже укусить его не могла. Сквозь все это безумие, словно раздвоившись, слышала, как переговариваются спасатели, ставя мне диагнозы и строя различные предположения, какая судьба ждет меня, буйнопомешанную, в Городе.

Видимо, не так уж далеко я отбежала, потому что вскоре мы уже были на берегу. Изловивший меня бугай, чеканя шаг, буром пер на вертолет, не собираясь отвлекаться ни на что, даже если б на голову ему упал метеорит. Перспектива возиться с неожиданно найденной на побережье бабой радовала его как звонок в домофон в два часа ночи. К тому же, явно в курсе того, что со мной двое медведей, он ловил удачу за хвост в надежде вывезти меня раньше, чем они откуда-нибудь появятся.

Я пыталась сфокусироваться до боли в глазах, чему мешала тряска, искала Малыша и Пестика. Боже, если ты есть, выведи их на берег! Господи, обещаю: я прощу и отпущу все обиды, попрошу прощения у всех, кого когда-либо вольно или невольно ранила, помирюсь с врагами, отдам все долги, а своих не попрошу обратно, я сделаю столько добра, сколько смогу. Только. Пожалуйста. Верни. Их. Мне.

Спасатель шагнул на ступеньку. С боков периферическим зрением я видела черное вертолетное нутро. И уже не чая разглядеть что-то перед собой, окинула взором места, где трава клонилась к скругленным морем камням и увидела... Да. То были крупные кривоватые лапы, будто прямо на них сидела круглая ушастая Пестикова голова. Я взвизгнула. Мужик вздрогнул и ослабил хватку. Не медля, я схватилась за фюзеляж и завопила, как будто в меня нож всадили:

— Вон они! Стойте!!!!!!!

И, пользуясь секундным замешательством, выкрутилась из его рук, нырнула между колоннообразных ног, кубарем слетела с железной лесенки и, треснувшись о камни едва зажившим правым плечом, похромала, как раненый осколком боец, к Пестик, который неловко, будто парализованный, шел мне навстречу, а сзади телепался его братец.

— Иди ко мне, любовь моя, иди! — я рыдала от самой большой в жизни радости: бог услышал меня, Вселенная так решила, и будет так.

Сзади раздавался отборнейший мат. А мы с медведями валялись на камнях. Они меня облизывали, я их целовала и жамкала. Они царапались и сгребали меня лапищами, Малыш кусался как бешеный, но это не приносило боли. Так могло длиться невесть сколько, но тут громыхнул голос, усиленный динамиком.

— Гражданка! Вернитесь к вертолету!

Я встала, салон позвала медведей и пошла, куда звали. Тот самый бугай торчал из темноты жести. Глаза его лезли из орбит, фуражка сбилась набок.

— И что вы нам предлагаете с этим делать?! — видимо, впервые в жизни он был напуган как ребенок.

— Мне обещали отвезти их туда, где я смогу их навещать. — Я проделала взглядом в эмчезнике дыру как базукой. — И не говорите, что вас не предупреждали!

— Дамочка, — он еще пытался вести переговоры, — вы себе вообще представляете, о чем просите?! Дикие звери полетят в вертолете! Чтоб они нас тут всех пожирали... Я не могу ради вашей прихоти рисковать людьми!

— Отвезите. Их. Туда. Где. Я. Смогу. Их. Навещать. — Я сжала челюсть до боли в зубах и приготовилась ко всему чему угодно. — Если вы нас отсюда не заберете, я дойду до Города сама и доведу, если понадобится, до президента страны, что вы отказались спасать человека, выжившего после авиакатастрофы и самостоятельно выбравшегося к людям. Не сомневайтесь даже! — если бы пришлось, я бы дралась. Я бы умерла за свою правду.

— Вы больная! Вас лечить надо! — это был его последний аргумент.

За пять минут они отгородили часть в салоне ящиками, открыли заднюю аппарель и скомандовали в громкоговоритель, что мы можем залезать. Я даже не представляла, какой пыткой станет вновь подняться на борт этого воздушного судна.

Медведи, по природе своей очень любопытные, несколько не испугались железной птицы и пролезли в ее нутро с большим удовольствием, обнюхивая буквально все и вся. Я же ногами, ватой набитыми, ступила на прорезиненный пол, тут же на него и осела. Створки быстро закрылись, ребята того и ждали, не желая длить очарованье. Медведи завозились, но, удостоверившись, что я все так же рядом, вот тут, на полу, продолжили исследовать «нашу» часть вертушки.

Меж тем вертолет грел винты, готовый взлетать. Такие знакомые вибрации отдавались в теле ужасом и внутренней неумной дрожью. Пестик с Малышом тоже чувствовали мое состояние, нервничая все сильнее. Пестун полез на ящики, которых было не так уж много, чтобы полноценно отгородить спасателей от нашей компании. Мне пришлось подняться на ноги, хоть они по-прежнему не слушались, и встать перед коробками, преграждая хищникам путь к другим людям, которые в общение вообще не рвались.

— Летим на Полуостров, в заповедник! — крикнул бугай пилотам. — Взлетай, давай! Делов теперь на полдня!

За ящиками кто-то был, я видела силуэт, но заговорить со мной не решались, оценивая, на что еще я способна. Потом молодой спасатель, которого видела мельком, пока меня тащили, робко, будто имел дело с буйной психичкой, поинтересовался:

— Как себя чувствуете? Что-то болит, может быть? Я — медик.

— Все в порядке. Устала просто. Мы в заповедник летим? Они там в курсе?

— Всю ночь ваш вопрос вообще-то решали. Куда этих девать. — Он кивнул на Малыша, отдавливающего мои ступни круглой задницей, и Пестика, который, испытывая необычные ощущения от взлета, не придумал ничего лучше, чем улечься на спину и задрать лапы. Да, не каждый медведь может похвастаться тем, что спустился с небес на землю.

Признаться, присутствие мужчин, которые прибыли черт его знает куда за мной, и диких зверей, судьба которых целиком зависела от меня, отвлекало от ужаса возможного падения.

Молодой человек попытался меня осмотреть через баррикаду из ящиков, но, когда в него уперся взгляд Пестуна, который и меня поначалу приводил в ужас, оставил эту затею до более подходящего момента.

Видимо, расчет был правильным: я действительно вышла к морю почти сразу после полуострова, иначе мне пришлось бы плутать гораздо дольше, ведь заповедника мы достигли буквально за двадцать минут. Снижение было ужасным. Меня замутило. Медведи начали психовать и метаться по салону, заскакивая на обитые дерматином лавки, толкаться, даже проявлять друг к другу агрессию. Мне пришлось снова сесть на пол, прижать к себе голову Пестика, который повыврывался да стих, зафиксировать Малыша под мышкой, несмотря на бурное сопротивление. К счастью, приземлились мы очень быстро.

Когда распахнулась задняя створка, на огромной поляне стояли два квадроцикла. Нас ждали какие-то люди. Медведи не собирались покидать укрытия. Тогда я просто взяла на руки тяжеленного, просто непосильного для меня в таком состоянии Малыша и поковыляла с ним наружу. Только увидев, что я достаточно удалась, Пестун выпрыгнул следом, неуверенно перебирая гигантскими лапами, как бы отсрочивая неизбежное. Он понял, что для него все поменялось, но еще не осознавал всех последствий этого воздушного путешествия.

Нам навстречу от группы людей отделился высокий мужчина в одежде защитного цвета.

— Здравствуйте! Я Иван Владимирович Семкин, зоотехнолог этого участка заповедника. И кто это у нас здесь? — это был первый человек, которого интересовали мои медведи, кто не боялся их, кто им симпатизировал, кому я действительно не остереглась бы их доверить. — Красавец какой! — он кивнул на Малыша.

Малыш шевельнул ушами, уже стоящий на траве, потому что у меня больше не было сил его держать, и, как обычно, когда трусил, уткнулся мне в подмышку. Он был как ребенок. Мое сердце разрывалось от боли предстоящей разлуки. Но иного быть не могло. Сзади недвижимый, как истукан, черной глыбой замер Пестун, который не мог понять, как правильно себя вести с этим большим незнакомым лысым медведем.

— А это у нас там кто еще такой выглядит? — его голос излучал невыказанную улыбку.

Я представила, как зоотехнолог Семкин целует внуков, которые наперебой лезут ему на руки, и поняла, глядя на кольцо, украшавшее его безымянный палец, за что его, судя по потертостям на золоте, много лет назад полюбила будущая жена — за свет и энергию, которые исходили от него какими-то почти зримыми волнами. Его хотелось обнять и подпитаться, как от батарейки.

— Что с ними будет?

— Жить будут. Надеюсь, долго. — Иван Владимирович смерил меня внимательным взглядом. — Не надо вам об этом сейчас волноваться. О себе подумайте. Они звери. Они дома. И вам надо домой.

— А я уже не знаю, где он, — я слотнула, но не сдержалась, и одинокая крупная слезинка выкатилась из правого глаза, мигом достигнув воротника.

— Он там, где кто-то ждет.

— Анна, — послышался голос из вертолета, все так же усиленный динамиком, — возвращайтесь в кабину, мы летим в Город.

Я опустила на траву, уже не пытаясь не плакать. Стараясь не смотреть на Малыша, скрупулезно, будто от этого что-то зависело, оставляла в памяти

пейзаж, это темное море, разбивающее волну за волной о крупные валуны где-то далеко внизу, это зеленое плато, крохотные деревца, колыхавшиеся на линии горизонта от порывистого, бьющего наотмашь ветра. Я хотела сказать себе, что это не конец истории. Но это был именно он. И я должна была идти дальше. Ведь тех, кого любишь, нужно уметь отпустить. Для них самих. И для тебя самого. Ради того, что было, и во имя того, что еще будет. По раздельности или совместно.

Малыш снова был на моих руках. Я зарылась в его бурую шерстку, пахнущую теперь уже и моим детством, провела по ней пальцами, вдохнула миллионы оттенков его еще детского запаха и поставила медвежонка на лапки. Пестун, когда я к нему обернулась, встал во весь рост на задние. Мы, казалось, целую вечность смотрели друг другу в глаза. Нам не нужно было сближаться, мы все друг другу сказали. Потом он опустил на четыре лапы. Я сделала то же самое. Мы придвинулись: он — морду, я — лицо — и коснулись друг друга носами. Я бы никогда не подумала, что так бывает. Но так действительно было.

Зоотехнолог Семкин вложил мне в ладонь бумажку с номером своего телефона. В глазах его, клянусь, стояли слезы. Без оглядки я пошла в вертолет.

Когда машина взмыла в воздух, рассекая винтами такую же сине-серую, как небо, тоску мою, я позволила спасателям делать все, что они хотели. Меня дергали за руки, задирали одежду, лезли в рот и глаза, щупали, разглядывали, как лабораторную мышь, а я была будто мертва.

Эта боль внутри меня переплелась с родной сестрой своей, жившей в душе на глубине, о которой я и понятия не имела. То была незаживающая тоска по Алке. Тоска, забившаяся в глухой медвежий угол, притаившаяся до поры, примолкшая, но все еще живая.

Теперь и впредь она будет там не одна: я поселила к ней всю эту печальную медвежье-человеческую историю, которую никто не сможет понять до конца, равно как и я не смогу. И они всегда будут рядом, царапать изнутри ржавым гвоздем, напоминать, что душа моя жива, куда там, на этой глубине, отзываются болью воспоминания о лучшем, что было со мной, о моих самых сильных чувствах. Не поним тогда простой истины, я открыла ее лишь сейчас, через все эти тернии: того, кого любишь, надо уметь отпускать. И пусть так отрывается сердце от сердца. Шрамы делают нас сильнее. Они делают нас людьми. Они позволяют нам снова любить.

ЭПИЛОГ

Когда хочется умереть — просто дыши. Вдох-выдох. И когда-нибудь станет легче.

Заняв свое место на одной из боковых деревянных лавок в салоне допотопного Ми-8, я даже рюкзак не сняла, чтобы не колотиться спиной о грубую, местами отваливающуюся обшивку. Меня усадили с краю, потому что полсалона занимали коробки, ящики, какие-то мешки... Только летели мы не из Поселка в Город.

Лопасты пели на одной ноте. А ведь я отвыкла от этой музыки. Восемь месяцев, это разве шутки? То была самая долгая зима в моей жизни. И самая щедрая на разнообразные события.

Как мне жилось в Городе? Поначалу казалось, что схожу с ума. А после стала привыкать. Это как заново учиться ходить — делаешь шаг-другой-третий и уже не можешь остановиться. В какой-то момент даже стало казаться, что произошедшее — это длинный сон, от которого пару дней потом не отвязаться. Но мой синдром отмены длился гораздо дольше.

Меня заперли в больницу и проводили десятки исследований. Это просто убивало, но скучать не давали коллеги. История чудесного спасения девушки-робинзона облетела просторы Интернета и обросла подробностями, которых столько и я-то не знала. Что уж говорить — журналисты, собратья мои по перу.

Когда смогла выбраться из больницы, землю Территории покрыл толстый слой снега. Зоотехнолог Иван Семкин, которого я доставала звонками и сообщениями из палаты, а по выходу просто извела вопросом, можно ли мне приехать к медведям, категорически запретил это делать, потому что они только-только пообвыклись на новом месте и готовились к спячке. Да и доктора настоятельно не рекомендовали перелеты и новые нервные потрясения. Хоть разлука ранила острее ножа, я была спокойна: они живы, они на воле и никакая двуногая тварь не пристрелит их в берлоге.

Мама, когда меня только доставили в Город, ждала на взлетно-посадочной полосе — высохшая от горя, но такая счастливая, сильно постаревшая женщина. Она почти все время проводила в больнице, усиленно пыталась меня покормить, но я просто не могла столько есть.

К работе мне пришлось вернуться исключительно из-за денег: все, что было на карточке, пришлось отдать в уплату по долгам, которые получились из-за маминого полета и жизни в крайне недешевом Городе.

Все вечера той зимы и весны я посвящала онлайн-курсу зоопсихологии солидного российского университета. Теперь мне хотелось переложить пережитое на научную почву и сделать их частью будущей профессии.

Маме все-таки пришлось уехать, хоть она и умоляла меня отправиться в сытую и теплую среднюю полосу. Я была к этому не готова. Более того, я вообще не могла себе представить расставание с Территорией, ведь это значило неотвратимое прощание с Малышом и Пестиком, которые в те дни мирно похрапывали в берлоге, ворочаясь с боку на бок и не подозревали о моих мыслях. Когда я думала о них, больше всего меня пугало то, что они могут меня забыть. Это было настолько невыносимо, что я загоняла эти мысли в темный угол и держала там на хлебе и воде, не давая расти и крепнуть.

...Жух, жух, жух, — чеканил вертолет, а я чувствовала желудком каждый виток винта. Впереди уже виднелась полоска суши. Это было не совсем то место, где мы в августе прошлого года оставили медвежат. Но Семкин дал точные координаты, пообещав встречать нас вместе с егерями. Не знаю, от чего больше нервничала — от нового полета или того, что ждет меня уже на земле.

Эмоции усилились, когда колеса мягко и пружинисто коснулись мокрой, местами в островках талого снега, земли. Когда я показалась из вертолета, у Ивана Семкина глаза так и расширились, но он сдержался. Под ручку, будто на променаде, мы пошли вдоль ручья, перебрались на другой берег и не спеша отправились по тропе вглубь полуострова. Мне не было тяжело, хоть пейзажи еще больно ранили. Эта страница была перевернута навсегда.

Через полчаса примерно впереди показался силуэт. Зверь остановился, навострив уши, всмотрелся и очень осторожно стал приближаться.

— Это он? — голос мой дрогнул. — Он, так ведь?

Семкин кивнул, улыбаясь краешком губ. Косолапый приближался, неуверенно, будто раздумывая, не укрыться ли в кустах. Я тоже шла еле-еле, словно под водой. У меня на то были свои причины. Медведь казался очень крупным, с невероятно жирным для конца мая брюхом. Если бы не реакция зоотехнолога, я никогда бы не узнала в матером хозяине тайги своего отважного верткого и независимого Пестика.

— Вы почти в одинаковом положении, как я посмотрю, — хмыкнул специалист.

Я не успела разобрать скрытого смысла его слов, потому что где-то сбоку, круша все на своем пути и ломая кусты, на нас неслось нечто. Только в последний момент Семкин успел загородить меня собой, иначе увесистая бурая туша просто сшибла бы меня с ног. Это был Малыш!

О том, чтобы взять его на руки теперь речи, безусловно, не шло. Но сердце мое колотилось отбойным молотком, когда он встал на задние лапы и совершенно по-человечески меня обнял, норовя взобраться по мне, как по дереву. Он нюхал мне руки и живот, рыча и неистовствуя и оттого превращаясь в озорного кутенка, который еще, кажется, так недавно спал на моей груди. Чтобы прекратить эту пытку — когти-то у него стали совсем как у взрослого — мне пришлось опуститься на землю. Он тут же принялся со мной бороться, кусаться и лизаться. Какой-то заторможенно-степенный Пестун был тут как тут, но не проявлял прежней прыти.

— Что с ним? — я обеспокоилась не на шутку, кивая в его сторону.

— А с вами что? — иронично отбил вопрос Семкин.

— Вы что, женщин в положении никогда не видели? — не могла утверждать, что разговор был мне приятен.

— А вы?

— Я — да.

— Ну а что ж тогда спрашиваете? — и дальше неизвестно чему радовался сотрудник заповедника. — Она — такая же женщина, только косолапая и вся в шерсти.

— Пестик — самка?!

Я ожидала чего угодно, но только не этого.

— Сразу же было видно. А теперь она еще и молодая мать. У нее, выражаясь человеческим языком, двухмесячные двойняшки.

Он кивнул в траву, откуда торчали две маленькие смешные головешки — ошалелые и дурные. Я прижала руку ко рту, чтобы воплем их всех тут не перепугать. Другой придержала живот. Я еще не привыкла к тому, что он стал так быстро расти — еще месяц назад ничего не было, а сейчас выпирал воздушный шарик, в котором постоянно кипела какая-то своя история. Я бы поклялась, что внутри беспокойный медведь, не иначе.

Мы посидели еще на специально принесенных кем-то из егерей рыбацких стульчиках. Я кормила мишек привезенными с собой лакомствами — хлебом, орехами, замороженными сырыми грибами. Они были вроде бы такими же ласковыми, но что-то изменилось. Пестик не подвела ко мне детенышей, что-то им коротко рыкнув. Мы вновь стали представителями разных миров. И это неспособно было изменить даже наше общее прошлое. Делалось и грустно, и радостно. Они живы, здоровы, сыты. Они дома.

Когда солнце стало клониться в закат — прохладный и ранний — Семкин заметно засобирался: он хотел быть в Городе пораньше, его ждали жена, дети и внуки, чтобы вместе завтра отправиться на первые воскресные шашлыки, которых жители Территории ждут особенно нетерпеливо, ведь этот ритуал — предвестник нарождающегося лета, короткого, но такого долгожданного после зимних морозов и весенних вьюг. Торопились назад и эмчезники, которые по договору привезли на участок какие-то коробки.

Туда нужно было и мне. Я устала после долгого, наполненного приключениями дня. Я не знала, что будет дальше, сколько на мою долю отведено плохих и хороших дней, сколько раз еще мне придется улыбнуться и заплакать. Уверена я была лишь в одном: у моего ребенка будет самый прекрасный на свете голос. Такой же, как у его отца.

После окончания курса обучения Анна Малинина устроилась на работу зоопсихологом в государственный природный заповедник Территории. Она написала серию работ о поведении бурых медведей в живой природе и о влиянии контактов с человеком на дальнейшее их существование в естественной среде обитания.

В сентябре того же года она родила мальчика, которого назвала в честь отца Марком. Ровно за месяц до этого Анна Малинина и Марк Ковченко поженились. Это было в тот самый день, когда годом ранее он в составе спасательной группы зашел на катере в бухту, где терпела бедствие девушка, направлявшаяся в Город в сопровождении двух бурых медведей. Свадебное путешествие длиной в сутки они провели на том самом месте.

Аня пообещала супругу во время декретного отпуска сесть за рукопись и подробно рассказать все, что с ней произошло, если не для широкого читателя, то уж точно для самой себя. Свое обещание она пока не сдержала, но впереди еще много времени, ведь декретный отпуск продлится — Малинины-Ковченко ждут еще прибавления.

Аня больше не навещала Малыша и Пестика. Потому что тех, кого любишь, надо уметь отпустить.

